

**ПРОФЕССОР Н.И.КЕФЕР (1864-1944)
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

Профессор Николай Иванович Кефер (Käfer) - крупный ученый-медик, один из пионеров ортопедии в Российской империи и СССР. Опубликованы его некрологи и юбилейные статьи¹. Однако они писались в советское время, когда авторы их не все могли рассказать. В постсоветское время небольшая наша статья была помещена на страницах энциклопедии "*Немцы России*", издающейся в Москве², и ему посвящена наша статья, увидевшая свет в ФРГ³.

В семье внука Н.И.Кефера Георгия Борисовича Зозулевича (Одесса) хранится фрагмент воспоминания профессора, написанный на немецком языке. Ниже он впервые публикуется, но в переводе на русский язык, который сделан Г.Б.Зозулевичем. Отдельные слова, фразы не удалось прочитать и в этом случае эти места в тексте отмечены многоточием в ломанных скобках, а если нет уверенности в правильности расшифровки отдельных слов, то после этих слов в круглых скобках поставлен вопрос.

В данной вводной статье мы изложим жизненный путь Н.И.Кефера. Цель нашей работы - служить введением к воспоминаниям, и поэтому мы будем следовать этими воспоминаниями, давая по поводу их разъяснения. Так как воспоминания Кефера резко обрываются второй половиной 1880-х годов, есть необходимость рассказать о последующих этапах его жизни. Для этого мы будем широко привлекать архивные материалы и в том числе материалы семейного архива. Кроме того, в конце мы приводим список опубликованных работ Н.И.Кефера, который нами составлен на основании данных личного архива профессора. В тексте нашей статьи ссылки на этот список даны цифрами в круглых скобках, в отличие от остальных ссылок на литературу и источники, которые даны в прямых скобках.

Итак, Николай Кефер родился 24 января (5 февраля) 1864 г. в колонии Ней-Монталь (Neu-Monthal, другое написание - Неймонталь; с 1945 г. - Переможное) Пришибской волости Мелитопольского уезда Таврической губернии Российской империи (ныне - в Запорожской области Украины) в семье колониста евангелическо-лютеранского вероисповедания. Родители его - Иоганн Кефер (1815-1866), бывший в двух браках, и Христина Кефер (около 1820-1900), урожденная Голл/Goll, в первом браке Судек/Sudeck, в третьем - Рикер/Ricker.

Его дедушка Яков и бабушка по отцовской линии происходили из городка Пирмазенс/Pirmasens, что возле Цвайбрюкена/Zweibrucken в Пфальце. В 1807 г. Яков Кефер иммигрировал в Россию и первоначально обосновался в основанной немцами-эмигрантами колонии Альт-Монталь/Alt-Monthal в Пришибской волости Мелитопольского уезда. Однако вскоре он покинул это место и основал с несколькими колонистами новую колонию Ней-Монталь. В 1864 г. в ней было уже 38 дворов с 392 жителями (мужчин - 189 и женщин - 203), был кирпичный завод и сельская школа⁴.

Старший сын Якова Кефера - также Яков (о нем рассказ в начале воспоминаний) имел двух сыновей: младшего Готлиба и старшего - Генриха, женатого на Розине.

Васильев Костянтин Костянтинович - доктор медицинских наук, профессор Сумського державного університету.

Другим сыном Якова Кефера был Иоганн - впоследствии ставший отцом Николая Кефера. Он родился в колонии Ней-Монталь в 1815 г.

Иоганн Яковлевич Кефер в первом браке был женат на урожденной Штайнингер / Steininger (†1856). В этом браке родилось 15 детей, но из них в живых осталось пять: Яков, Христиан, Кильян, Иоганн, Паулина.

Старший из них Яков (единокровный брат Николая Кефера) был женат на сводной сестре Катарине Судек и скончался в 1870 г.

Следующий сын от первого брака, Христиан, жил в колонии Андебург/ Andrebург в 5 верстах от Ней-Монтала. Он умер в начале 1870-х годов.

Третий брат, Кильян, умер в 1874 г. от туберкулеза легких.

Четвертый единокровный брат Н.Кефера Иоганн умер рано, в возрасте 17-18 лет.

Последним, пятым, ребенком от первого брака отца Николая Кефера была Паулина, родившаяся примерно в 1855 г. Она вышла замуж за молодого человека по имени Репп и уехала с ним в отдаленную колонию.

Дедушка (Иоганн Голл/Goll) и бабушка Николая Кефера с материнской стороны также были выходцами из Германии. Они происходили из Шорндорфа/Schorndorf (Вюртемберг). Иммигрировав в Российскую империю, они осели в Бессарабской области, где в колонии Гофнунгсталь/Hoffnungstal (волость Клястиц/Klostiz) примерно в 1820 г. родилась мама Николая Кефера - Христина Голл. У неё был брат Иоганн Голл, бывший чабаном в Таврической губернии. У дяди Иоганна и его жены Каролины было три сына (двоюродные братья автора воспоминаний): Николай, Виктор и Фридрих.

Мать Н.И.Кефера в первом браке была замужем за Йозефом Судеком, который происходил из той же колонии Гофнунгсталь. В этом браке было шестеро детей, но четверо умерли в молодом возрасте. Остались двое детей - Евгений и Катарина, которая, как уже отмечено выше, вышла замуж за Якова, старшего сына от первого брака отца Николая Кефера. Йозеф Судек умер в степи при невыясненных обстоятельствах.

Бракосочетание родителей Н.Кефера Иоганна Яковлевича Кефера и Христины Иоганновны Судек состоялось в 1858 г. У молодоженов было к этому времени всего семеро детей: четыре сына и дочь у Кефера, одна дочь и один сын у Судек. Появлению на свет Николая Кефера предшествовало рождение двух девочек, умерших в раннем возрасте. Отец Николая умер в мае 1866 г., то есть спустя два года после его рождения.

Мать Николая Кефера приблизительно через год после смерти супруга вступила в новый брак с Иоганном Рикером/Ricker. Он был значительно моложе своей супруги, был вдовцом и имел двоих детей от первого брака - сына Отто (на два года старше Николая Кефера) и дочь Ольгу (одного возраста с ним).

В шесть лет Николая Кефера отдали в сельскую школу, а в августе 1875 г. в одиннадцатилетнем возрасте он поступил в гимназию в Бердянске, в которой учился 8 лет, окончив ее в 1883 г. В ту эпоху в гимназии учились еще несколько сыновей колонистов.

Среди них исключительной одаренностью отличался А.Нойфельд/Neufeld (1862-1909), который в 1878 г. приехал из менонитской колонии Мюнстерберг/Munsterberg и поступил в бердянскую гимназию. Впоследствии он стал директором реального училища в г.Бердянск, а тогда - в гимназические годы оказал на юного Николая Кефера совершенно особое влияние. Его судьбе Н.И.Кефер посвятил специальную брошюру воспоминаний (12).

В этих воспоминаниях Николай Иванович описывает и то, как в августе 1883 г. Нойфельд и он отправились вместе в Одессу, где должна была начаться их учеба в Императорском Новороссийском университете (ныне Одесский национальный университет им.И.И.Мечникова). Ехали они в Одессу, так как Таврическая губерния входила в состав Одесского учебного округа. Эта поездка через Севастополь осталась навсегда в его памяти. Они были молоды, здоровы и чувствовали себя свободными мужчинами, жаждавшими знаний и стремившимися припасть к источнику, могущему удовлетворить эту жажду. На корабле они встретили еще школьного приятеля Пекаторова, ехавшего с той же целью, и познакомились с будущим студентом из Мариуполя Георгием Ивановичем Челпановым (1862-1936). Последний спустя годы займет кафедру философии сначала в Императорском университете Св.Владимира в Киеве, а затем в Императорском Московском университете⁵. В Одессе Нойфельд поселился с Челпановым (оба поступили на историко-филологический факультет) и Пекаторовым, а Кефер объединился с Карлом Хергером и Генрихом Хёгером, о которых он подробно рассказывает в своих воспоминаниях.

Сокурсником Кефера, который поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета, оказался Абрам Шмуль.

Здесь надо несколько слов сказать об Абраме Фишелевиче Шмуле (1867-1930). Он родился в Одессе в еврейской семье иудейского вероисповедания. С 1875 г. получал среднее образование в 3-й Одесской гимназии. В том же году, что и Николай Кефер, поступил на то же отделение естественных наук. Сохранились его прошения на имя декана с просьбой *“освободить от внесения платы за право слушания лекций”* в связи с *“недостаточностью”*⁶. Позднее - в 1892 г. - он перешел в православие. При святом крещении получил имя Александр и после этого пожалован был императором фамилией Самойлов. Отчество вместо Фишелевич изменил на Филиппович. С 1903 г. он профессор Казанского университета. Один из крупнейших советских физиологов, в 1930 г. получил Ленинскую премию⁷.

После двух лет обучения в стенах Новороссийского университета у Кефера созрело решение приступить к изучению медицины и перевестись в Императорский Дерпский университет (ныне Тартуский, Эстония), где в то время преподавание велось на немецком языке и профессорами немцами. Он обсудил это со своим другом Шмулем. Последний согласился с доводами Кефера. Они забрали свои документы и в августе 1885 г. отправились в город их мечты.

Дерпский университет в ту эпоху отличался от других вузов империи и составом своих студентов, большинство из которых были местные уроженцы. Именно студенты-немцы и определяли дух и строй студенческой жизни. В воспоминаниях Кефера описываются и Дерпт тех лет, и некоторые профессора университета.

Воспоминания обрываются на незаконченном предложении при описании периода обучения в Дерпском университете - вторая половина 1880-х годов. Создается впечатление, что на следующих листочках было продолжение, но в личном архиве профессора найти их не удалось. Поэтому далее при изложении биографии Николая Ивановича Кефера мы будем пользоваться уже другими источниками.

Студента Кефера привлекли лекции и по патологической анатомии профессора Тома (Thoma; 1847-1923). Рихард Тома, уроженец и подданный Германии, в бытность своего профессорства в Гейдельбергском университете подал документы на открывшуюся вакансию в Дерпском университете, был избран ординарным профессором и за два года до поступления туда Николая Кефера переехал из Германской империи в Российскую. Николай Кефер дополнительно стал заниматься в институте патологической анатомии проф. Тома, два семестра неофициально числясь вторым ассистентом в этом институте. Пять лет учебы в Дерпте прошли быстро и в 1890 г. Кефер получил диплом лекаря⁸. В том же году окончил университет А.Шмуль⁹.

После этого лекарь Кефер решил защитить еще диссертацию на степень доктора медицины. Работал над ней он в том же институте патологической анатомии проф. Тома и под его руководством. В следующем году состоялась защита диссертации *“К методике измерения эластичности стенки сосудов”*. В этой экспериментальной работе, диссертант впервые предложил свой способ измерения эластичности вырезанной из трупа артерии (1). В конце этого же 1891 г. подходит к концу строительство Одесской евангелической больницы, и в связи с этим в больницу начали набирать медицинский персонал. Одесса - четвертый по населению город в России после Петербурга, Москвы и Варшавы, южные морские ворота громадной Империи, город многонациональный с особым только ему присущим колоритом, не мог не оставить Николая Кефера равнодушным еще в бытность двухлетней учебы его в Новороссийском университете, и он подает прошение о принятии его на должность ассистента.

В 1891 г. доктор медицины Кефер был принят на должность ассистента в Евангелическую больницу, где прошел клиническую школу под руководством старшего врача, хирурга Евгения Фрикера (Fricker, 1846-1906). Доктор Фрикер, окончив Тюбингенский университет, прибыл в Россию, чтобы здесь найти работу в качестве врача-хирурга. Его выбор пал на быстро развивающуюся Одессу, где он стал одним из инициаторов открытия Евангелической больницы. Одессе он посвятил лучшие тридцать лет своей жизни, а остаток дней своих провел в родном Штутгарте.

Здесь надо отметить также, что в Одессе в течение длительного времени Николай Кефер работал и с доктором И.А.Вальтухом (1861-1914; иудейского вероисповедания) в его частной лечебнице для ортопедических заболеваний. Позднее проф. Кефер напишет: *“Он (Вальтух - К.В.) не был хирургом. Он поручал мне выполнять то или иное оперативное вмешательство, оставляя себе проведение дальнейшего ортопедического лечения. Благодаря такой совместной деятельности в течение 20 лет, я имел возможность, будучи хирургом, практически ознакомиться с ортопедией. Своей гипсовой техникой я целиком обязан И<осифу> А<рнольдовичу> и являюсь единственным его учеником”* (29). Постепенно интересы Николая Ивановича Кефера как практического врача и ученого смещаются от хирургии в сторону ортопедии и травматологии. Если в Дерпте под руководством проф. Тома Н.И.Кефер овладел методикой научной работы, то в Одессе его учителями в хирургии стал Евгений Фрикер, а в ортопедии - доктор Вальтух.

Вместе с тем, Николай Кефер формируется как администратор в медицине. В 1896 г. он переходит в больницу Касперовской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста. Через 2 года он возглавил эту больницу, став старшим врачом. Более того, в том же 1898 г. он был избран главным врачом Больницы Красного Креста для фабрично-заводских рабочих Одесского градоначальства, тогда ещё строившуюся. Он руководил возведением зданий больницы, которая была открыта 30 декабря старого стиля 1899 г., им организована амбулаторная врачебная помощь на фабриках и заводах Одессы. Последнюю должность - главного врача Фабрично-заводской больницы - он занимал в течении 20 лет и только после установления советской власти в Одессе оставил этот пост¹⁰.

К 1920 г. - году окончательного установления советской власти в Одессе - доктору Кеферу исполнилось 56 лет. Он искусный ортопед-травматолог, опытный администратор, автор ряда научных трудов. С начала 1920-х годов Н.И.Кефер отходит от административной деятельности и переходит к научно-педагогической. Что касается практической лечебной работы, то он никогда ее не оставит.

В июле 1920 г. Н.И.Кефер был избран профессором хирургии Одесского клинического института. Целью этого института, просуществовавшего до 1923 г., являлось усовершенствование врачей. Одновременно он начал работать в Одесском медицинском институте (ныне Одесский медицинский университет), где в 1921 г. организовал кафедру ортопедической хирургии. При кафедре создал клинику ортопедии на 25 коек, которая потом выросла под его руководством до 120 и больше коек. В должности заведующего этой кафедрой профессор проработал почти до смерти, несмотря на то, что в марте 1942 г. перенес тяжелый инсульт, завершившийся правосторонним гемипарезом. Кроме того, с 1932 г. Н.И.Кефер был заведующим кафедрой ортопедии и травматологии Одесского института усовершенствования врачей, созданного в 1927 г. вместо Одесского клинического института с теми же задачами.

В личном архиве проф. Кефера сохранилось одно письмо тех лет к нему его друга А.Ф.Самойлова. Оно было написано после гражданской войны в России. У

власти утвердились большевики, которые кардинально изменили весь уклад жизни в стране. Отношение к новой власти старой интеллигенции в большинстве своем было негативное, и перед ней стоял вопрос - что делать, как жить дальше? В письме А.Ф.Самойлов, который в то время был профессором в Казани, пишет я о своей маме, которая продолжала до смерти жить в Одессе. Упоминает он в письме Елену Карловну Кефер - супругу Н.И.Кефера. Приводим его полностью.

“Казань, 1924, V, 30

Дорогой друг!

На твое последнее письмо я долго не отвечал, но я много о нем и по поводу него думал и неоднократно возвращался в мыслях к нему. В нем много содержания и еще больше чувства. В том, что с нами всеми произошло, много и нашей вины. И единственно правильное отношение, это не питать злобы, не держать камень за пазухой, а делать честно свое дело. Мне было очень отрадно читать твое письмо, которое укладывается в рамки этого фона. Я в твоем письме почувствовал опять того простого, милого Кефера, которого мы так сразу все полюбили, когда он юношей появился в нашем скромном доме. Да, много воды утекло с тех пор. Есть о чем подумать, и стоит подумать. Я только очень сожалею, что возможность перебирать в памяти прошедшее связано было у тебя с невольным лежанием в постели из-за болезни. Конечно, и я перебираю свою жизнь в памяти и на разные лады ее обсуждаю. Что сказать? Мы с тобою вытянули все же в жизненной лотерее хорошие номера. Я не знаю, конечно, что будет дальше, я думаю теперь только о прошедшем, а впереди то, ведь, уже меньше, чем прожито. Я работоспособен, полон огня и интереса к науке, много мне даже удастся теперь лучше, чем прежде, но все же я, не в пример тебе, чувствую подбирающуюся старость. Но она меня занимает, она меня интересует. Я чувствую, что я становлюсь каким то другим и как будто лучшим, чем был раньше. Я становлюсь добрее, терпимее, я многое извиняю, прощаю, я лучше понимаю бедное несчастное человечество, метущееся и не знающее, что правда и что ложь. Я нахожу даже, что старость имеет свои большие преимущества, именно в отсутствии страстей, спокойствии, в возможности созерцать окружающее. Я люблю природу так, как никогда прежде. Я имею теперь новых друзей, ибо каждое дерево на улице, которое я прежде и не замечал, я теперь приветствую и слежу за ним, как оно увядает и расцветает. Кто знает, сколько раз еще мне суждено видеть эту смену. А такая мысль и есть старость. В последнее время много говорили об омоложении. Я против него. Фауста омолодили в первом действии; во втором он уже наделал столько глупостей, что их нельзя исправить ни в третьем, ни в четвертом, ни в пятом действии. Нет, в старости есть, несомненно, своя прелесть. Но, конечно, когда старость переходит в дряхлость со всеми ее недугами, когда ум свеж и оценивает положение и говорит о скором конце, то это тяжело. - Бедная моя мама! Она понимала, что угасает. В твоем последнем письме имеются несколько очень сочувственных строк о ней. Спасибо тебе, за все, что ты сделал для нее. Ты поистине облегчил ее жизнь. Она чувствовала в тебе опору, она имела всегда в случае какой ни будь невзгоды возможность прибегнуть к тебе. В равной мере я благодарен Елене Карловне, которая с первого дня знакомства с моей покойной мамой, относилась к ней, как истинный друг. В каждом письме от моей мамы упоминались ты и твоя жена и всегда с самым теплым чувством. Спасибо вам обоим за то, что вы облегчили и скрасили жизнь моей умной и прекрасной матери, за то, что вы понимали, оценили и ценили ее.

Дома у меня все по-прежнему. Важное обстоятельство лишь то, что моя жена собирается в Америку на несколько месяцев. К сожалению, с разрешением на выезд еще не все в порядке. Живем надеждою, что все устроится. Трудно нам будет эти несколько месяцев без нее. Всего хорошего! Низжайшее почтение и привет Елене Карловне и детям от всех нас.

*Крепко обнимаю тебя
твой /подпись/”*

В 1941 г. началась война. Клиника ортопедии Одесского медицинского института вливается в военный госпиталь, и все время обороны Одессы проф. Н.И.Кефер активно работал, оперируя и оказывая помощь раненым бойцам. После эвакуации 3 октября 1941 г. военного госпиталя, он был назначен главным врачом 2-й городской больницы (ортопедическая клиника находилась в этой больнице) следующим приказом (личный архив Н.И.Кефера):

“ПРИКАЗ

по 2-й клинической больнице от 12/X-41 г.

В связи с эвакуацией военного госпиталя №52-2 из зоны военных действий во главе с администрацией госпиталя на время отсутствия последней НАЗНАЧАЮ временно исполняющим обязанности с 13/X - 1941 г.

- 1. Главврача 2-й клинбольницы проф. КЕФЕРА Н.И.*
- 2. Зам. глав. врача по админ. хоз. части т. ГОРОХА И.С.*
- 3. Зав.хозяйством т. ПОПРОВИЧА*

Всему медперсоналу оставленному при больнице, продолжать впредь работу каждый НА СВОЕМ МЕСТЕ под руководством, вновь назначенной администрации.

*НАЧ. ГОСПИТАЛЯ
ВОЕННВРАЧ 1 р<анга>
/СЕМЕНОВ/
<подпись>*

*КОМИССАР ГОСПИТАЛЯ
ПОЛИТРУК
/МИЛЛЕР/
<подпись>”*

После прекращения обороны города персонал больницы под руководством главного врача 2-й клинической больницы проф. Н.И.Кефера за одну ночь заменил обмундирование раненых на гражданскую одежду, завел на них новую документацию и тем самым спас не успевших эвакуироваться и оставшихся в отделениях офицеров и солдат. О том, что проф. Кефер, выполняя свой врачебный долг, спас своих пациентов - советских военных - Вы прочитаете в его некрологе. Но в некрологе не сказано о том, что после освобождения Одессы, а это произошло 10 апреля 1944 г., 80-летнего профессора Кефера и его супругу арестовали и заключили в Одесскую тюрьму. Перед самой смертью профессора выпустили, чтобы он умер вне стен тюрьмы - прием известный. 28 декабря 1944 г. Николай Иванович Кефер скончался. Был похоронен на 22-м участке 2-го одесского христианского кладбища.

Супруга же в то время, когда ее муж находился на смертном одре, продолжала содержаться в Одесской тюрьме. Ее, 73-летнюю старуху, освободили через месяц после смерти мужа, выдав следующую справку (личный архив Н.И.Кефера):

“СПРАВКА

Выдана гр-ке Кефер Елене Карловне в том, что она содержалась под стражей в Одесской тюрьме с 2 июня 1944 года по 3 февраля 1945 года и освобождена под подписку о невыезде из гор. Одессы.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА НКВД ОДЕС<СКОЙ>. ОБЛ<АСТИ>.
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
/А Л Ь П Е Р И Н/

“3” февраля 1945 г.

<подпись>

№14/597

гор. Одесса.

<гербовая печать>”

Елена Генриетта Катерина Кефер, урожденная Ринк-Вагнер (Rinck-Wagner; 1871, Одесса -1961, Одесса) происходила из известной одесской немецкой семьи. Замуж за Н.И.Кефера вышла в 1897 г.

Ее отец Карл Вильгельмович Ринк (1829, Ротенбах/Rothenbach, Германия - 1895, Одесса) - выходец из Германии, оставшийся в России германским подданным, коммерсант.

Ее мать Елена Вагнер (1845, Одесса - 1906, Берлин, где и похоронена) происходила из семьи владельца крупного одесского торгового дома Вильгельма (Виллиама) Федоровича (Фридриховича) Вагнера (1802, Dornhan - 1882, Одесса) женатого на Екатерине Вагнер, урожденной Штиглер (Stigler; 1821 - 1901, Одесса).

В.Ф.Вагнер - дед Елены Карловны Кефер - когда переселился в Россию не имел достаточно солидного стартового капитала. Он прошел все стадии трудовой деятельности: от рассыльного до старшего приказчика роскошного элитарного “Английского магазина” негодичанта Джеймса Кортацци. Когда этот магазин перешел во владение В.Ф.Вагнера, точно неизвестно, но мы знаем, что торговый дом Вагнера был основан 1 марта 1833 г. Вильгельм Федорович стал купцом первой гильдии, владельцем купеческой конторы, которая занималась самыми разнообразными торговыми операциями, гостиницы “Европейская”.

С 1863 по 1873 г. он - гласный Одесской городской думы от купеческого сословия. Дело В.Ф.Вагнера унаследовал его зять К.В.Ринк-Вагнер¹¹. Семья помимо нескольких домов в Одессе владела обширной дачей в Вагнеровском переулке. Она была разделена наследниками Карла Ринк-Вагнера. Часть ее досталась жене Н.И.Кефера Елене Карловне.

У супругов Кеферов было два сына и одна дочь. Старший сын Владимир (1898, Одесса - 1981, Одесса) стал инженером, кандидатом технических наук, доцентом Одесского холодильного института. Младший сын Борис (1902, Одесса - после 1991, Графинг/Grafinг близ Мюнхена, ФРГ) был инженером-строителем, в 1920-х годах эмигрировал в Германию. Их дочь Вера Кефер (1907, Одесса - 1991, Одесса) в 1930 г. окончила Одесский химико-фармацевтический институт и после этого работала в Одесском институте питания. С 1938 г. до 1941 г. и с 1944 г. по 1948 г. - ассистент на кафедре неорганической химии Одесского медицинского института. С 1948 г. работала в клиничко-диагностической лаборатории Одесского института глазных болезней. Сын Веры Николаевны - Г.Б.Зозулевич.

Проф. Н.И.Кефер - автор более 50 научных работ, которые посвящены проблемам хирургии сосудов, желудка, легких, гнойной хирургии (2, 3, 6, 8, 9, 13, 14, 24). Значительная часть работ, опубликованных до 1917 г. и большая после - по проблемам ортопедии и травматологии, в которых автор предложил ряд оригинальных новых оперативных и консервативных методов лечения (4, 5, 7, 10, 11, 16, 18-23, 25, 27-29, 31, 35-38, 41).

Всякий клиницист, длительно практиковавший в Одессе, обращался к проблеме грязелечения. Н.И.Кефер руководил лечением костно-суставного туберкулеза на Одесском курорте и много сделал для организации грязелечения ортопедических и травматологических больных на Куяльницком лимане. Он - автор работ по грязелечению хирургических и ортопедических заболеваний (30, 34, 44, 45).

Его перу принадлежит несколько учебников и отдельных глав в руководствах (17, 32, 39, 40, 42, 43). В учебнике по десмургии (1915 г.) он писал: *“Мой учебник написан из практики для практики”*. В этом - из практики и для практики - заключалась, пожалуй, основная особенность всего творчества проф. Кефера. Его работы всегда имели практическую направленность, обобщали тот клинический опыт, который он приобретал у постели больного, в операционной.

По приезду в Одессу Н.И.Кефер стал действительным членом Общества одесских врачей, а в 1899 г. избран в действительные члены Общества русских врачей Одессы, был награжден серебряным нагрудным знаком с надписью *“Борьба с чумой”* (1902). Он - один из учредителей Одесского хирургического общества (1920 г.), избирался заместителем председателя, а с 1934 г. и до конца жизни был председателем этого общества.

В 1934 г. он был избран председателем Одесского единого научно-медицинского общества. С 1935 г. проф. Кефер - член правления Всесоюзной ассоциации хирургов, почетный член Ленинградского общества хирургов-ортопедов. С 1933 г. он - член Ученого совета Народного комиссариата здравоохранения Украинской ССР, 1937 г. - член ортопедического совета Народного комиссариата здравоохранения СССР.

С 1901 г. Н.И.Кефер состоял членом Германского хирургического общества и участвовал в съездах этого общества в Берлине в 1901, 1902, 1903, 1905 гг. В 1926-1927 гг. он был в научной командировке в Германии, где посетил клиники Берлина, Франкфурта-на-Майне, Мюнхена, Лейпцига и Штутгарта. На 25 съезде германских ортопедов, в сентябре 1930 г. профессор был избран членом-корреспондентом Германского ортопедического общества.

* * *

В личном архиве Н.И.Кефера сохранился рисунок 1930-х годов одесского профессора-офтальмолога В.П.Филатова.

Их было трое близких друзей-профессоров: ортопед Н.И.Кефер, окулист В.П.Филатов (1875-1956) и рентгенолог Н.Н.Исаченко (1870-1941). Друзья называли себя *“ирокезами”*, писали шуточные сценарии, рассказы, стихи. Распифровка рисунка была дана на обороте стихами того же офтальмолога Филатова.

Когда 200 лет назад переселенцы из германских княжеств пересекли границу России, они оказались в многонациональной Империи.

На рисунке три друга, три профессора Одесского медицинского института: потомственный русский дворянин Филатов, сын немецкого колониста Кефер и украинец Исаченко. Профессорами-медиками в Одессе в ту эпоху были еще грузины, армянин, латыш, евреи, караим.

Немцы-переселенцы жили на своей новой родине в атмосфере многонационального государства, да и Одесса была как бы микрокосмосом великой империи. Они привыкали толерантно относиться к людям другой национальности и веры.

Возникшая в Европе Первая мировая война и как следствие приход к власти в России большевиков повлияли трагически на судьбы многих из них.

¹Проф. *Н.И. Кефер* // Ортопедия и травматология. - 1931. - Кн.1. - С.5-6 (портрет); *Гессе Э.Р.* К 45-летию научной и врачебной деятельности профессора Одесского медицинского института Николая Ивановича Кефера // Вестник хирургии. - 1934. - Т.35. - Кн.101-102. - С.297-298; К 50-летию врачебной, научной и педагогической деятельности профессора Николая Ивановича Кефера // Новый хирургический архив. - 1941. - Т.49. - Кн.1-2. - С.191-192 (портрет); Профессор *Н.И. Кефер*. К 50-летию юбилею // Труды Одесской 2-й клинической больницы. - Одесса, 1941. - Т.4. - С.5-7 (портрет); 50 лет научной, врачебной, педагогической и общественной деятельности проф. *Н.И. Кефера* // Ортопедия и травматология. - 1941. - Кн.3. - С.3-4 (портрет); *Новаченко Н., Шкуров Б.* Памяти профессора Николая

Ивановича Кефера // Госпитальное дело. - 1945. - №12. - С.51; *Они же*. Н.И. Кефер [Некролог] // Врачебное дело. - 1946. - №5. - Стб.287-288 (портрет); *Н.И. Кефер*. 1864-1944 // Ортопедия, травматология и протезирование. - 1959. - №10. - С.94 (портрет на вкладном листе после листа титульного); *Марьенко Ф.С.* Николай Иванович Кефер. К 100-летию со дня рождения // Ортопедия, травматология и протезирование. - 1964. - №5. - С.53-54 (портрет на вкладном листе после листа титульного).

²*Васильев К.К.* Кефер Николай Иванович // Немцы России: энциклопедия. - М., 2004. - Т.2. - С.697-699.

³*Vasylyev K.K.* Der Mediziner Mikolaj Ivanovic Kafer - Sohn eines deutschen Kolonisten im Taurischen Gouvernement des Russischen Reichs // Pfrepper, Regine (Hg.): Medizin-, Pharmazie- und Wissenschaftsgeschichte vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Festschrift für Ingrid Kastner zum 65. Geburtstag / R.Pfrepper (Hgg.). - Aachen, 2007. - S.225-244.

⁴*Крылов Н.В., Крылова А.Н.* Колонии Гнаденфельдской и Пришибской волостей. (Энциклопедический словарь). - Мелитополь, 2004. - С.108-110 (компьютерная распечатка).

⁵*Челпанов Георгий Иванович* // Профессора Московского университета. 1755-2004. Биографический словарь. - М., 2005. - Т.2: М-Я. - С.620.

⁶Государственный архив Одесской области (ГАОО). - Ф.45. - Оп.4. - Д.1856. - Л.25; Д.2508. - Л.132.

⁷А.Ф.Самойлову (Шмулю) посвящена большая литература. Отмечу монографию: Григорян Н.А. Александр Филиппович Самойлов. - М., 1963. - 203 с.

⁸Исторический архив Эстонии (Тарту). - Ф.402. - Оп.2. - Д.11453; Д.11454 (Личные дела студента Каефер).

⁹О дерпском периоде жизни А.Шмуля (Самойлова) см.: *Калнин В.В.* А.Ф. Самойлов и Тартуский университет // *Tartu ulikooli ajaloo kustumisi*. - Тарту, 1983. - Т.XV. - С.105-115 (на с.106 фотография А.Шмуля тех лет).

¹⁰ГАОО. - Ф.322. - Оп.1. - Д.43 (О назначении на службу д-ра Кефера).

¹¹*Губарь О.* Вагнеры, Ринки, Кеферы // Вестник региона (Одесса). - 1998. - 26 сентября. - С.6.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Н.И.КЕФЕРА (КАЕФЕР)

1. Zur Methodik der Elasticitätsmessungen an der Gefasswand. - Dorpat, 1891. - 45 S.; первая публикация по данной теме: Thoma R. und Kaefler N. Über die Elasticität gesunder und kranker Arterien // *Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin*. - 1889. - Bd.116, H.1. - S.1-27.

2. Ueber die Aethernarkose // *St. Petersburger medizinische Wochenschrift*. - 1893. - Nr.25. - S.233-237.

3. Ein Fall von langdaurender Anurie mit Sektionbefund // *Berliner klinische Wochenschrift*. - 1894. - Nr.13. - S.319-321.

4. Несколько случаев ампутации по способу Crede. - Южно-русская медицинская газета. - 1895. - №10. - С.141-143. [Доложено в Обществе одесских врачей]

5. Ein Fall von isolierter traumatischer Luxation des Radiuskopfchens nach auben // *Zentralblatt für Chirurgie*. - 1895. - Nr.50. - S.1148-1150.

6. К оперативному лечению сужения привратника и язвы желудка // *Летопись русской хирургии*. - 1896. - Кн.6. - С.1006-1015.

7. К лечению укорочения при переломах голени // *Летопись русской хирургии*. - 1901. - Кн.6. - С.1075-1080. [Сообщено в Обществе русских врачей в Одессе 7 декабря 1900 г.]; Zur Behandlung der Verkürzung bei Unterschenkelbrüchen // *Zentralblatt für Chirurgie*. - 1901. - Nr.1. - S.1-4.

8. К вопросу о хирургическом лечении гнойного плеврита // *Хирургия*. - 1906. - Т.XIX. - №113. - С.425-432.

9. О лечении острых гнойных воспалений венозной гиперемией по способу Bier'a. - *Хирургия*. - 1906. - Т.XIX. - №113. - С.403-424; Zur Behandlung der akuten eitrigen Entzündungen mit Staunghyperämie nach Bier // *Zentralblatt für Chirurgie*. - 1906. - Nr.10. - S.274-275.

10. К казуистике анкилоза тазобедренного сустава // *Хирургия*. - 1907. - Т.XXI. - №123-124. - С.367-375.

11. К вопросу о лечении переломов предплечья // *Хирургия*. - 1908. - Т.XXIV. - №140. - С.131-134; Zur Behandlung der Vorderarmbrüche // *Munchener medizinische Wochenschrift*. - 1908. - Nr.19. - S.1021-1022.

12. Jugenderinnerungen an Abraham Neufeld weiland Realschuldirektor in Berdjansk. Geboren 1862, gestorb. 9. januar 1909. - Odessa, 1909. - 16 S. (Портрет А. Нейфельда).

13. К технике операции аппендицита: субсерозное вылушение червеобразного отростка // *Терапевтическое обозрение*. - 1912. - №10. - С.309-311; Zur Technik der Appendektomia: die subserose Ausschälung der Appendix. (Therapewitscheskoje Obosrenje 1912. Nr.10. [Russisch.]). (Selbstbericht.) // *Zentralblatt für Chirurgie*. - 1912. - Nr.31. - S.1073.

14. Appendektomia subserosa // *Zentralblatt für Chirurgie*. - 1913. - Nr.14. - S.506-507.

15. Zur Behandlung der Schlüsselbeinbruchs // *Munchener medizinische Wochenschrift*. - 1913. - Nr.29. - S.1599-1600.

16. Ueber eine Modifikation des Gipsverbandes bei Verwendung der Distraktionsschraube nach Kaefler - Hackenbruch // Zentralblatt für Chirurgie. - 1914. - Bd.41, Nr.7. - S.278-280.
17. Учебник десмургии. Практическое руководство для врачей и студентов. - Одесса, 1915. - 127 с.; Учебник десмургии. Практическое руководство для врачей и студентов. 2-е издание - Одесса, 1917, 127 с.
18. К вопросу о лечении ишемической контрактуры Фолькмана // Новый хирургический архив. - 1925. - Т.7, кн.2. - С.206-213; Zur Frage, der Behandlung der Volkmannschen ischämischen Kontraktur // Zentralblatt für Chirurgie. - 1926. - Nr.8. - S.509-510.
19. Об акушерских переломах // Третий съезд хирургов Одесской губернии. Одесса, 12/IX-16/IX 1925 г. Приложение к журналу „Новый хирургический архив“. - Екатеринослав, 1926. - С.123-124; Кефер Н.И. То же // Ортопедия и травматология. - 1927. - Кн.5-6. - С.15-22.
20. Ортопедия как врачебная специальность и как предмет преподавания // Третий съезд хирургов Одесской губернии. Одесса, 12/IX-16/IX 1925 г. Приложение к журналу “Новый хирургический архив”. - Екатеринослав, 1926. - С.108-110; то же // Южный медицинский журнал. - 1926. - №3-4. - С.33-37.
21. Роль ортопедии в деле лечения костно-суставного туберкулеза // Труды Всеукраинского съезда хирургов. Одесса, 15.IX-19.IX.1926 г. - Днепропетровск, 1927. - С.336-343.
22. Случай врожденного вывиха обоих коленных суставов // Ортопедия и травматология. - 1927. - Кн.1. - С.13-19.
23. Цинк-желатиновая повязка // Новый хирургический архив. - 1928. - Т.16. - Кн.3. - С.390-398; Der Zinkgelatineverband und seine Indikationen // Archiv für Orthopädische und Unfall-Chirurgie. - 1930. - Bd.28, H.2. - S.284-291.
24. О бескровном лечении врожденного фимоза // Новый хирургический архив. - 1929. - Т.19, кн.2. - С.197-198.
25. О резекции коленного сустава // Ортопедия и травматология. - 1929. - №3. - С.7-16.
26. Zur Behandlung der Zerreißung des Streckapparates der Fingerendglieder // Zentralblatt für Chirurgie. - 1929. - Nr.7. - S.389.
27. О предупреждении и лечении контрактур конечностей за исключением спастических // Новый хирургический архив. - 1930. - Т.20. - Кн.3. - С.335-346.
28. Ostitis (osteodystrophia) fibrosa // Новый хирургический архив. - 1930. - Т.21, кн.4. - С.517-532.
29. К истории ортопедии на Украине. (Иосиф Арнольдович Вальтух) // Ортопедия и травматология. - 1933. - №2. - С.54-55. (портрет)
30. Несколько слов о грязевом лечении костно-суставного туберкулеза // Новый хирургический архив. - 1933. - Т.28, кн.3-4. - С.451-453/
31. Об абортивных формах туберкулезного коксита // Ортопедия и травматология. - 1933. - №2. - С.21-27.
32. Переломи та звихи. Підручник лікарям та студентам. - Харків-Одеса, 1933. - 168 с.
33. К вопросу о лечении костно-суставного туберкулеза // Борьба с туберкулезом. - 1934. - №2. - С.49-51.
34. Лечение хирургических заболеваний на Одесских курортах // Одесса-курорт. - Одесса, 1934. - С.109-115.
35. Оперативное лечение при pes valgus paralyticus // Вестник хирургии им. Грекова. - 1934. - Т.36. - Кн.103-104. - С.7-8.
36. Hallux valgus и его лечение // Вестник хирургии им. Грекова. - 1934. - Т.35, кн.101-102. - С.93-99.
37. К вопросу о причинах частоты переломов шейки бедра в старческом возрасте // Ортопедия и травматология. - 1935. - №5. - С.15-16.
38. Eine Modifikation der Biesalskischen Methode der Fubarthrodese // Zentralblatt für Orthop. Chir. - 1936. - Bd.64, Nr.4. - S.406; Видоизменений операции артроза стопы по способу Biesabsri // Ортопедия и травматология. - 1937. - №1. - С.71-73.
39. Искривления позвоночника // Частная хирургия. - Москва; Ленинград, 1937. - Т.2; Брюшная полость и ее органы. Спинной мозг. Позвоночник. Таз. Мочеполовая система. - С.540-554.
40. Неправильно сросшиеся переломы // Новый хирургический архив. - 1937. - Т.38. - Кн.3-4. - С.533-539.
41. Основные предпосылки для ликвидации инвалидности травматического происхождения // Вестник хирургии. - 1937. - Т.50. - Кн.133-134. - С.161-164.
42. Ошибки, опасности и непредвиденные осложнения при операциях на костях // Ошибки, опасности и непредвиденные осложнения при лечении хирургических заболеваний. - Л.; М., 1937. - Т.2. - С.255-284.
43. Переломы костей верхней и нижней конечности // Частная хирургия. Руководство для студентов и врачей. - М.; Л., 1938. - Т.3; Конечности. - С.197-329.
44. Грязелечение хирургических и ортопедических заболеваний. - Одесса, 1940. - 34 с.
45. Грязелечение хирургических и ортопедических заболеваний // Труды Одесской 2-й клинической больницы. - Одесса, 1941. - Т.4. - С.11-22.

ВОСПОМИНАНИЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КЕФЕРА

Мои бабушка и дедушка по отцовской линии происходят из городка Пирмазенс (возле Цвайбрюкена) в Пфальце. Мой дедушка Яков иммигрировал в 1807 году в Россию. О моей бабушке мне ничего не известно. Сколько у них было детей, я не знаю, во всяком случае у них был сын, очевидно, он был первенцем, по имени Яков. Я его еще хорошо помню, он умер, когда я уже был врачом, в начале девяностых годов, в возрасте во всяком случае старше 80 лет, так как в год переселения ему было 8 лет.

Я вижу его совершенно ясно перед моими глазами, сидящим почти весь день с трубкой на лавочке перед воротами своего двора и останавливающим почти каждого прохожего. Он был самым обыкновенным человеком, с немного напускной угрюмостью (?), но не без юмора. Трубка его дымилась целый день, и он выпускал ее из рук только во время трапезы. Ко мне он относился, по-видимому, очень хорошо и позднее, когда я уже получил образование, очень мной гордился. У него было два сына, Генрих и Готлиб. Особого благосостояния он не достиг, у него было хозяйство - 60 десятин земли с домом и двором. В 1871 году, когда большой пожар уничтожил почти все дома колонии Неймонталь, сгорел также и его дом. Так как он считал себя слишком старым, чтобы затевать новостройку, то он ушел, в так называемый "отцовский надел", т.е. он поделил хозяйство и все добро между обоими сыновьями, при этом обязав их заботиться о нем до его смерти. В новом доме он занял "переднюю комнату", т.е. самую хорошую и стал вести созерцательный образ жизни. Это соответствовало распространенному в то время среди колонистов обычаю, но многие впоследствии очень сожалели о таком поступке, так как частенько остаток жизни оказывался основательно отравленным. Многие дети, особенно невестки, относились к ним как к обузе и постоянно с ними ссорились. Мой дядя Яков тоже был всегда недоволен, хотя он, насколько я могу судить, не имел для этого особых причин. Младший сын Готлиб вскоре уступил свою часть владения брату Генриху и уехал с семьей куда-то далеко. Я больше никогда его не видел. Генрих, с врожденной кривошеей (?), был малозначительным человеком, настоящим средним колонистом. У него была, однако, чудесная жена, Розина, прекрасная женщина, с которой я, во время моих приездов на каникулы, был в очень хороших отношениях. Она была хорошей, умелой домашней хозяйкой и матерью многочисленных детей. У одного из них, по имени Николай, я был крестным отцом, но не могу вспомнить кто был крестной матерью. Я был тогда уже гимназистом и очень гордился доверенной мне ролью. В начале 90-ых годов Генрих, который тоже не добился существенных успехов, продал хозяйство и уехал в Донбасс (? , Дон?). С тех пор я больше ничего не слышал о нем.

Когда мой дедушка в 1807 году иммигрировал, он обосновался сначала в колонии Альтмонталь, которая была основана немцами-иммигрантами. Вскоре, однако, он покинул это место и основал с несколькими колонистами новую колонию Неймонталь, состоявшую из 28 дворов. Он, видимо, был очень способным человеком и играл среди своих сотоварищей ключевую роль, во всяком случае он в течение долгих лет избирался на должность старосты. Мой отец родился уже в колонии Неймонталь в 1815 году. Он был совершенно другого склада, чем его брат Яков. Во всяком случае память о нем жила еще десятилетия после его смерти среди жителей колоний округа Молочная/Molotschna (Таврическая губерния, Мелитопольский уезд, волость Пришиб). Когда я, уже взрослый молодой мужчина, при встрече с незнакомым колонистом из Молочной на вопрос, из какого я хутора, ответил "из хутора окружного старосты Кефера" ("vom Oberschulzen Kafer"), то я сразу заметно

вырос в глазах собеседника. Но о его характеристике позже. В первом браке он был женат на урожденной Штайнингер, имя ее выпало из моей памяти. Я помню еще совершенно отчетливо надгробный камень, на котором черными буквами было написано: *“Здесь покоится Кефер, урожденная Штайнингер. Родилась... .., умерла в 1856, детей рожденных 15, из них в живых 5”*. Она умерла, очевидно, от туберкулеза легких, как и некоторые из ее детей.

Мой старший сводный брат Яков, которого я хорошо помню и который был женат на моей сводной сестре Катарине (Кате) (их старшего сына звали Давид), был высокорослым красивым белокурым мужчиной. Он умер в 1870 году, очевидно, от туберкулеза. Я отчетливо помню день, когда все родственники собрались у постели больного, чтобы попрощаться с ним.

Следующий сын от первого брака, Христиан, жил в колонии Андребург в 5 верстах от Неймонталя. Он был среднего роста, широкоплечий, плотного сложения. Он умер в начале 70-ых годов от сибирской язвы (?) лица, которая добила его за 3-4 дня.

Третий брат, Кильян, умер в 1874 году от туберкулеза легких. Я был привязан к Кильяну телом и душой. Он был, несомненно, чрезвычайно одаренным молодым человеком. В отличие от других и в нарушение колониистских обычаев, он получил, по понятиям того времени, отличное образование. Как раз это стремление характерно для моего отца, который хотел вырвать сыновей из привычного окружения и дать им лучшее образование. Кильян посещал сначала деревенскую школу, а затем его отдали в русскую окружную школу. Не знаю, закончил ли он эту школу, во всяком случае он говорил и писал хорошо по-русски, что вообще не было тогда распространено среди колониистов. Я его очень хорошо помню, хотя мне было всего 10 лет, когда он умер после длительной болезни в 1874 году. Я был и на его похоронах. Он не был женат и жил у своей золовки в Андребурге, которая, видимо, хорошо о нем заботилась. Он был нашим ежедневным гостем, так как у него была собственная повозка. Рано став независимым, хорошо владеющий русским языком, способный и жизнерадостный человек с добрым чувством юмора, он уже в возрасте 20 лет завел собственное дело, состоящее в том, что он скупал зерно и шерсть, возил в город Бердянск (за 120 верст) и там продавал. Он был похож на моего отца не только внешне, но и по складу характера. Так как мой отец много лет занимался аналогичным делом и имел очень хорошую репутацию, то он получил сразу не только клиентуру, но и доверие людей, которым он, это я хочу особо отметить, по общему мнению никогда не злоупотреблял. Вскоре он стал чрезвычайно популярным во всей округе. Эта популярность была так велика, что, несмотря на раннюю его смерть, я встречал еще в 1891 году в Бердянске людей, которые спрашивали меня, не родственник ли я Кильян Ивановича, и затем с чрезвычайной похвалой отзывались о нем, о его честности и т. д. Он существенно отличался от своих сотоварищей даже внешне, он имел вид вполне городского жителя. Одевался он тщательно и не без вкуса, хотя и не щегольски, имел совершенно другие манеры, говорил на правильном немецком языке и достаточно хорошо на русском. Он был очень добродушен, щедр, всегда готов помочь и считал всех такими же честными, как он сам. Как раз последняя черта характера сослужила ему плохую службу, так как было достаточно желающих злоупотребить его доверием. Пользуясь его доверчивостью, его вскоре обвели вокруг пальца, что сильно отразилось на его имущественном положении (его первоначальное состояние составляло 4000 рублей). Этот удар пагубно сказался на состоянии его здоровья. В нашей семье он сыграл существенную роль. Отношения его с мачехой (моей мамой), не оставляли желать лучшего: он любил и почитал свою

мачеху, как ее не смог бы любить и собственный сын. Также и мама была привязана к нему, как к собственному сыну. Если он мог доставить какую-нибудь радость своей мачехе, то он никогда не упускал случая сделать это. Во время своих постоянных поездок в город он всегда привозил что-нибудь новое. Так он привез первую стеариновую свечу, первую керосиновую лампу, первые безопасные спички, первый трехколесный велосипед, первую швейную машину. Меня он тоже баловал маленькими подарками. Я любил его безумно, он был моим высшим идеалом, поэтому его ранняя смерть была для меня очень жестоким ударом, который я ощутил будучи всего 10 лет от роду.

Неизгладимое впечатление произвели на меня его похороны. Он не был хорошим христианином в буквальном смысле слова, т.е. он не посещал регулярно церковь и в последние годы не ходил к причастию. Не могу судить насколько сильно верующим он был. То, что он был, однако, хорошим христианином в более общем смысле слова, что он был благородным, хорошим, всегда готовым помочь человеком, в этом я был убежден. Поэтому для меня было жестоким ударом, что пастор Кенхель, который его отпевал, в надгробной речи довольно неприязненно отзывался об умершем и его примером устрашал присутствующих. Я был вне себя от этой речи, смысл которой я хорошо понял. Эта надгробная речь произвела на меня сильное впечатление, но в смысле как раз обратном задуманному пастором. Моя мать, воспитавшая меня в религиозном духе, приложила много сил, чтобы это впечатление изменить, но это ей так никогда и не удалось.<...> Этот эпизод из раннего детства оказал очень сильное влияние на мое духовное развитие, как вообще мой брат Кильян очень сильно повлиял на мое развитие.

Четвертого сына моего отца от первого брака звали Иоганн, он умер рано, в возрасте 17-18 лет. Я не знал его, не знаю также ничего и о нем, кроме того, что моя мама часто говорила, что он был очень хороший мальчик и она его очень любила.

Последним выжившим ребенком от первого брака была моя сестра Паулина, родившаяся примерно в 1855 году. Она жила в родительском доме только пока училась в школе, а затем, по неизвестной мне причине, перешла жить к Кильяну в Андребург, скорее всего потому, что вдова моего брата Христиана нуждалась в ее помощи. С тех пор я виделся с ней редко. Вскоре после смерти Кильяна она вышла замуж за молодого человека по имени Репш и уехала с ним в отдаленную колонию. Она была необычайно красивой девушкой, очень стройной, с темными очень пышными волосами, черными большими глазами и румяными щеками. Я был немного увлечен ею, так как она была моей единственной сестрой, но навестил ее еще только однажды, уже будучи студентом. Она искренне обрадовалась моему визиту, была горда и счастлива, что имеет такого брата, и всячески выражала мне свою любовь. Но как она изменилась! Моя прекрасная стройная Паулина превратилась в тощую изнуренную обычную колонистку, жену неотесанного колониста. Найти общий язык с нею было невозможно. Меня трогала ее привязанность, но настоящие братские чувства во мне так и не пробудились. С тех пор я ее больше никогда не видел.

* * *

Мои бабушка и дедушка с материнской стороны происходят из Шорндорфа (Вюртемберг). В каком году они иммигрировали, я не знаю; они прибыли однако не в Молочную, а осели в Бессарабии, скорее всего в колонии Гофнунгсталь (волость Клястиц).

Моего дедушку звали Иоганн Голль. Я не знаю сколько у них было детей, моя мать упоминала только своего брата, моего дядю Иоганна Голля. Также ничего не

известно мне об их дальнейшей судьбе. Я знаю только, что они оба умерли в преклонном возрасте (старше 80 лет). Мама была старшей сестрой, дядя Иоганн был на 3-4 года младше. Год рождения моей мамы мог быть примерно 1820. Из своего детства она вспоминает город Одессу, где она впервые себя осознала (?), и считала ее своей родиной. Она часто тосковала по этому городу и в 1874 году с сыном от первого брака Евгением Судеком предприняла специальную поездку, чтобы навестить родственников в Одессе и в Гофнунгстале, месте ее рождения. От этой поездки у меня сохранилась фотография, на обратной стороне которой проставлена дата 1874. Я тоже разыскал этих родственников в Одессе, когда здесь обосновался, однако вскоре общение прервалось, так как мы были слишком различными людьми для достижения взаимопонимания.

Моего дядю Иоганна Голя я очень любил. Он был очень оригинальный человек, сам обустроивший свою жизнь, настоящий *Selfmademan*. Еще мальчиком он, по неизвестным мне причинам, покинул Бессарабию, отправился в Таврию, где стал чабаном. Таким образом его молодость прошла в бескрайних таврических степях и он был настоящим сыном степей. Постепенно он совершенно самостоятельно дорос до положения "*Schafmeisters*", т.е. старший управляющий отарой овец в большом хозяйстве. Особенно долго он работал в большом хозяйстве в селе Мариенгоф (Marienhof?) в Таврической губернии (Днепровский уезд). <...>, во время каникул несколько недель я провел у него, ездил с ним по степи и в полной мере наслаждался свободной степной жизнью. Меня он очень любил. Так как он не имел никакого образования, но многое повидал, то для него не было большего наслаждения, чем беседовать со мной о науке и искусстве.

Он мог сидеть со мной до поздней ночи у дверей дома, откуда открывался бескрайний вид: дом стоял совершенно один в степи, - и слушать мои рассказы. Он сам был очень интересным человеком и я наслаждался его рассказами о прошлой степной жизни. Он пользовался всеобщей популярностью и уважением. Для всех и вся он был первым авторитетом в вопросах овцеводства. Самый крупный овцевладелец в Таврии Э.(?) Фальц-Фейн, которого дядя не любил, напрасно несколько раз пытался заполучить его к себе на службу. Он был прекрасным стрелком, интуитивно ориентировался в степи. В рассказах о случаях из его степной жизни он был неистощим, часто они были приправлены превосходным юмором. Нередко это были довольно опасные происшествия. Так, у него хранилась шкура волка, которого он убил небольшим топором. Волк напал на него во время ночевки в степи в стогу сена.

У него был неистощимый юмор и безграничное добродушие. Но он мог и взорваться в приступе внезапной ярости, который, однако, проходил так же быстро и бесследно, как и возникал. Наиболее выраженными чертами его характера были честность и прямота. Правду он говорил без оглядки и не взирая на лица, а на его честность, по общему мнению, можно было положиться, как на скалу. Простые люди его окружения, крестьяне, овчары и другие, часто обращались к нему за советом по всевозможным жизненным вопросам, чему я часто был свидетелем. Он был среднего роста, крепко сбитый, у него были темные волосы и правильные черты лица. Волосы были всегда коротко подстрижены, лицо украшала большая красиво вьющаяся борода <...>.

Хотя он жил в степи в полном одиночестве и вырос в простых условиях, он никогда не пренебрегал своей внешностью. Одет он был всегда прилично, очень следил за чистотой белья, всегда носил золотые часы на цепочке и тяжелый серебряный портсигар. Он умер в 1889 году, в возрасте 63 лет, на пути в Харьков,

куда его везли из дома моих родителей на операцию. Сообщение о его смерти, которое я получил, будучи студентом, сильно меня огорчило, так как я высоко ценил и очень любил его.

Не могу не упомянуть маленький эпизод, который характеризует его такт и благоразумие. Во время летних каникул у него гостила дальняя родственница из Харькова фрейляйн Матильда Шпильфогель/Spielvogel. Я тоже приехал к нему погостить. Она была более чем симпатичная, бойкая, веселая и была для меня, который был всего на 1-2 года старше, приятным компаньоном. Конечно, мы все дни и вечера проводили вместе, совершали прогулки в степи и так далее. Однажды мой дядя очень серьезно спросил меня, нравится ли мне Матильда. Когда я ответил, что мы с ней хорошо проводим время и она мне нравится как хороший приятель, последовал второй, большее определенный вопрос: *“Значит ты не собираешься на ней жениться?”*.

Я ответил смеясь, что такая мысль мне в голову не приходила. Очень серьезно он сказал мне, что я уже не мальчик, что в обращении с молодой девушкой я всегда должен думать о таких вопросах, что он твердо убежден, что Матильда связывает со мной определенные надежды и было бы лучше, если бы я вел себя с ней более сдержанно.

Совет его, как впоследствии оказалось, был очень своевременным и я очень благодарен ему за это. До сих пор я удивляюсь, откуда у простого человека было такое чувство такта. Я еще долго помнил об этом совете, и в моей дальнейшей жизни он уберег меня, возможно, от многих необдуманных шагов.

Его жена, тетя Каролина, была совершенно другого склада. Маленькая, пухленькая, подвижная как белка, всегда занятая и всегда в заботах, отличная хозяйка, отличная повариха, вечно бранящаяся со своей служанкой, и безгранично жадная. При этом, хотя это давалось ей с трудом, она была гостеприимной и считала делом чести хорошо гостя принять и достойно угостить. Мой дядя знал эту ее черту, и с таким юмором говорил об этом, что она часто не выдерживала и смеялась вместе с ним. Она делала совершенно изумительный сыр (в особенности честер с малагой), который она дорого продавала в Каховке. Еще у нее был хороший погреб, в котором хранилось несколько бутылок старого крымского вина. На их серебряной свадьбе я пил вино, которое хранилось в погребе со дня их свадьбы. Для меня она имела <...>, что было, по-видимому, тяжелой жертвой для нее, чтобы доказать мне свою любовь. Даже подавая бутылку старого вина, когда я был у них в гостях, она каждый раз говорила, что это, к сожалению, последняя, после чего дядя всегда со смехом говорил: *“Покопай немного в песке подвала, авось еще кое-что найдется”*.

Она надолго пережила своего мужа и умерла в преклонном возрасте (около 90) у своих сыновей в маленьком хозяйстве в Екатеринославской губернии, которое мой дядя приобрел за несколько лет до смерти (300 десятин). Дядя Иоганн имел троих сыновей - Николая, Виктора и Фридриха. Двое старших были совершенно обыкновенными людьми, однако Фриц и внутренне и внешне был похож на отца. Мой дядя хотел непременно дать им хорошее образование, отправил их учиться в гимназию в Херсон, не жалел никаких расходов, но все было напрасно, они едва доучились только до 3 класса. Самый старший из них был немного младше меня. В более поздние годы я видел их очень редко и ничего существенного о них рассказать не могу.

* * *

Моя мать в первом браке была замужем за Йозефом Судеком, который происходил из Гофнунгсталя (Бессарабия). Когда и где был заключен этот брак мне не известно. Судек был овцеводом и служил в различных овцеводческих хозяйствах в Таврии (Фоссель, Фальц-Фейн и другие). От этого брака родились шестеро детей, из которых четверо умерли в молодом возрасте. Старшая, Катарина (Катя) вышла замуж за Якова, старшего сына от первого брака моего отца. Кроме нее остался в живых еще сын Евгений.

Йозеф Судек умер скорее всего насильственной смертью в степи. Моя мама рассказывала мне, что однажды он уехал и не возвратился. Его тело было найдено значительно позже и опознали его по одежде. Мама утверждала, что дяде Голлю известны более точные обстоятельства его смерти. Но на все вопросы дядя всегда давал уклончивые ответы.

Как и где мой отец и моя мать познакомились мне не известно. Они жили, однако, довольно далеко друг от друга. Конечно, мой отец довольно часто предпринимал деловые поездки, простиравшиеся вплоть до Симферополя. Во время одной из таких поездок на него напали двое бродяг, жестоко его избили, ограбили и бросили умирающего в степи. Однако его природное здоровье превозмогло шок, он с трудом дотащился до пастухов, которые довели его до ближайшей деревни Avumann?/ Abumane? Там он несколько недель провел между жизнью и смертью, однако все же пришел в себя, хотя после этого инцидента его здоровье, видимо, было сильно подорвано. Это было, скорее всего, в 1856 году. Бракосочетание моих родителей состоялось в 1858 году. У молодоженов было к этому времени всего семеро детей: четыре сына и дочь моего отца, и одна дочь и один сын моей матери. Моему рождению предшествовало рождение двух детей, обе девочки. Они умерли в раннем, скорее всего в грудном возрасте.

Брак моих родителей был очень счастливым. Оба были не очень молоды: маме было 38 лет, папе - 43 года. Сводные дети относились друг к другу хорошо, самый старший сын моего отца вскоре женился на своей сводной сестре. Родители не делали абсолютно никакого различия между детьми. Я сам свидетель тому, что мама относилась к детям от первого брака ее мужа точно так же, как к своим собственным; и лучшим доказательством этого является то, что дети свою мачеху боготворили. Это мне доподлинно известно в отношении Кильяна и Паулины.

К сожалению, мой отец умер уже в мае 1866, т.е. спустя два года после моего рождения, так что у меня нет абсолютно никаких воспоминаний о нем. Все мои сведения о нем почерпнуты из маминых рассказов и воспоминаний различных людей, знавших его лично. Судя по всему, он был замечательным человеком, во всяком случае в своей среде.

<...>. У него был мягкий характер и для него не было ничего труднее, чем отказать в чьей-нибудь просьбе. Напротив, он мог быть очень жестким, если нарушалось его чувство справедливости. Он был очень добросовестным и честным человеком и пользовался очень большой популярностью и неограниченным доверием населения всей округи. Это выражалось еще и в том, что он избирался окружным старостой (обер-шульц/Oberschulz) всего округа Молочная. По тем временам это значило очень много, это была должность, которая сулила очень большие выгоды и преимущества. Он этим никогда не пользовался, как я неоднократно слышал в более

поздние годы из самых разных источников. Во всяком случае я часто слышал фразу: *“Такого старосты, каким был Иоганн Кефер, у нас уже никогда не будет”*. Он, конечно, получил только такое образование, которое было доступно в то время, т.е. посещал сельскую школу с 6 до 14 лет. Преподавание в этих школах практически ограничивалось обучением детей чтению, письму, элементарной арифметике. Кроме того, немного преподавалась история и религия. Преподаватели большей частью были малообразованны. Проявлял ли он интерес к дальнейшему обучению мне неизвестно, однако, у него было заветное желание дать лучшее образование своим детям. Именно поэтому он определил Кильяна, в соответствии с его тогдашними возможностями, в русскую окружную школу. Относительно меня он несколько раз высказывал твердое намерение сделать из меня образованного человека. Моя мать восприняла это в качестве священного завещания и, как я позже понял, осуществила его с железной энергией, несмотря на все препятствия.

Сначала мой отец занимался только сельским хозяйством. Это было для его энергичной натуры слишком мало. Он построил ветряную мельницу, позднее мыловарню. Но и это его не удовлетворяло. Он начал скупать пшеницу и шерсть, чтобы отправлять их в близлежащие города (Бердянск, Симферополь). Благодаря этому обстоятельству круг его общения был, по понятиям того времени, очень обширен, он знакомился с разнообразными людьми, что оказывало на него определенное влияние. В соответствии с этим он и одевался не так, как его односельчане, и потребности его были выше. Дом моих родителей был обустроен не так, как дома других колонистов. Дом, который был уничтожен пожаром в 1870 году, я помню очень хорошо. Это был точно такой же дом, как другие дома в колонии. Стены были сложены из глиняных кирпичей (необожженных), крыша была покрыта камышом. Жилые помещения находились под одной кровлей с хлевом и конюшней /.../.

Жилая комната была обставлена мягкой мебелью, деревянные части красно-коричневого цвета (красное дерево? орех?), обивка из зеленой материи. Параллельно жилому дому, по ту сторону ворот, стоял построенный уже моим отцом дом из обожженного кирпича с черепичной крышей. Он служил складом для хранения шерсти и пшеницы. После случившегося в 1870 году пожара, этот дом, путем устройства нескольких перегородок, был временно приспособлен под жилье. Это должно было быть временное явление, но так продолжалось еще долго с тем только отличием, что я в студенческие годы поставил еще стенку, устроив себе комнату, в которой жил во время каникул.

Некоторые особенности в образе жизни и обстановке родительского дома происходили от моей матери. Мама выросла в других условиях и не жила в колониях. Она общалась исключительно с помещиками и их управляющими, одевалась иначе, более или менее на городской манер, имела другие привычки и более далеко идущие потребности. С ее приездом в дом моего отца многое изменилось, начиная с внешнего вида (мебели, обстановки). Я знаю, что только в доме моих родителей был самовар, настольные часы на обеденном столе, серебряные ложки и т.д. Мама придавала большое значение внешнему виду, старалась хорошо одеваться; например, она носила кринолины, что было в той местности совершенно неслыханно, шелковые платья с кружевами, шляпы, золотые броши, золотые часы и цепочку с медальоном.

Возможно это было просто и провинциально, во всяком случае сильно отставало от моды, но в ее окружении это должно было сильно бросаться в глаза. В

более поздние годы, благодаря нехватке средств, ей пришлось многого лишиться и стать внешне гораздо скромнее; продолжать жить по-старому средства не позволяли. Это обстоятельство очень тяготило ее, но она приспособилась и к новым условиям. Не только внешние признаки выделяли ее из ее окружения. Несомненно, она далеко превосходила колонистов того времени в умственном и духовном развитии. Она получила очень скромное образование, не знаю какое именно, но она всегда охотно и много читала. Литература была очень разноплановая, так как книги в то время трудно было достать. Читала она только по-немецки. Хотя она была воспитана в религиозном духе, я относительно редко видел, что она читает книги религиозного содержания. Романы она читала очень охотно, также описания путешествий и историческую литературу. Дом моих родителей был единственным, в котором были газеты и журналы. Многие годы это был *"St. Petersburger Herold"*, который ожидался всегда с нетерпением, позднее, примерно с середины 70-ых годов, это место занял *"Odessaer Zeitung"*, который начал как раз в это время интересоваться состоянием дел в южнорусских колониях. Кроме того выписывался (?) еще *"Gartenlaube"* (*"Садовый домик"*) и, частично, *"Das Buch für alle"* (*"Книга для всех"*). Именно *"Gartenlaube"* очень хорошо запомнился мне, особенно во времена немецко-французской войны. Вечерами приходили очень часто к нам соседи и новые номера зачитывались вслух. *"Gartenlaube"* был моим любимым журналом, который я листал очень охотно и иллюстрации в котором пробуждали во мне живой интерес. Многие иллюстрации времен немецко-французской войны я до сих пор живо вижу перед моими глазами.

Несколько лет выписывался также *"Kladderadatsch"* (*"Сплетник"*), который я еще тогда не мог понимать, хотя некоторые карикатуры, в особенности голова Бисмарка с 3 волосинами, фигуры Мюллера и Шульца, фигура самого сплетника и другие глубоко запечатлелись в моей памяти. Эти самые разные журналы мама прочитывала усердно от корки до корки. Кое-что из литературы было также у немногих представителей интеллигенции, которые жили в соседних колониях, в особенности у католического священника соседней колонии Гейдельберг/Heidelberg патера J. Champe, который всегда останавливался у нас, проезжая через Неймонталь, так как он, по-видимому, очень хорошо относился к моей матери. Это было тем более удивительно, что общение между лютеранами и католиками было очень ограниченным. Но как раз в этом отношении мама совершенно не была мелочной: *"Каждый имеет право молиться богу по-своему"*, - это было любимое высказывание моей матери. Она шла в этом отношении даже еще дальше: большой католический праздник *"Frohnleichnamstag"* мама посещала ежегодно в Гейдельберге и была там всегда желанным гостем.

Я сам, будучи мальчиком, всегда посещал с ней этот праздник и находил его гораздо приятнее, чем сухое богослужение в наших лютеранских церквях. Католики относились к маме с большим уважением. Это было тем более невероятно, что противостояние между лютеранами и католиками было очень острым: лютеране назывались всегда *"еретикам"* и относились к ним соответственно. Это единственное исключение было, очевидно, только данью памяти моего отца. Мне неоднократно рассказывали, что на похороны моего отца пришли очень многие католики - совершенно неслыханное событие, повторение которого и десятилетия спустя никто не может припомнить. Мама мне несколько раз говорила, что именно это обстоятельство побуждает ее ежегодно посещать этот католический праздник.

Мама не читала по-русски, однако говорила более или менее сносно; этим знанием языка, которое выгодно выделяло ее среди колонистов, она была обязана тому обстоятельству, что в первом браке она жила в поместьях и много общалась с русскими. Знание русского языка значило тогда очень много; это было в какой-то степени признаком образованности, приблизительно таким, как в "приличном" русском обществе знание французского языка. Вскоре после моего рождения в нашем доме появилась молодая девушка, с которой мама была знакома раньше, Мария Бринк. Она стала моей няней, хотя была ли она приглашена в качестве таковой я не знаю, и даже сомневаюсь в этом.

Наверно она была гостем, принятым в доме, и занималась преимущественно мной. Позднее она вышла замуж за некоего Erdmann Grob, брата моей тети Голль. С Машей я с удовольствием встречался и позже (в последний раз в 1900 году, когда я последний раз посетил Неймонталь, чтобы похоронить свою мать). Я уверен, что она оказала немалое влияния на мое развитие. Она была необычайно темпераментна, даже в более поздние годы, очень остроумна, находчива, всегда весела. Она была превосходной певицей и всегда мурлыкала какую-нибудь песенку. Ее запас русских и немецких песен был неисчерпаем. Во время наших встреч в более поздние годы, когда я был уже гимназистом и даже студентом университета, мы пели целые вечера напролет. Песни, которые я привозил, она подхватывала чрезвычайно быстро, достаточно было только один-два раза вполголоса напеть мелодию. Очевидно, она была очень хорошо музыкально одарена. Я уверен, что моя любовь к музыке, особенно к пению, происходит от нее. Благодаря Маше я уже маленьким ребенком научился говорить по-русски и, собственно, не очень уверен, является ли моим родным языком немецкий или русский, наверное они оба должны разделить "эту честь". Мой отец очень хорошо относился к Маше и с большим удовольствием слушал по вечерам ее пение.

Я до сих пор с благодарностью вспоминаю Мария Яковлевну и, если она еще жива, для меня было бы большой радостью увидеться с ней вновь. К сожалению, ее брак не был счастливым, так как ее муж был мелким скотоводом и ничем не отличался от простого пастуха. Насколько я знаю, он никогда не был груб с нею, но ее угнетало, что он был бесконечно ниже ее в духовном развитии.

К сожалению, я абсолютно не помню своего отца. Он умер в мае (5?) 1866 года, когда мне было 2 года и 3 месяца. Он умер внезапно ночью, без предшествовавшей болезни, очевидно, от апоплексического удара. Разумеется, он должен был в течение последних лет быть болезненным, а именно после нападения бандитов в 1856 году. Он довольно много кашлял, и сейчас трудно сказать, но возможно у него мог быть туберкулез легких, приобретенный от его первой супруги. После всего, что рассказывала мне мама, я хотел бы усомниться в этом, тем более, что в его семье никаких предпосылок для этого не было. Он позаботился уже при жизни о детях. Яков и Христиан, которые были уже женаты, получили каждый от него добротные хозяйства, т.е. по 60 десятин земли с домом, двором и инвентарем, Яков - в Неймонтале, Христиан - в Андребурге (5 верст от Неймонталя). Иоганн к тому времени уже умер, и оставались только Кильян, Паулина и я. Кильян посещал тогда русскую окружную школу. Как я уже сказал, папа много занимался различными делами и считался очень состоятельным мужчиной. Однако он умер, по выражению моей мамы, в неблагоприятный момент, так что оставил после себя немного. Коммерческие связи были тогда весьма просты, расписки и векселя не были в ходу

при наличии взаимного доверия. После смерти отца посыпались многочисленные, ничем не обоснованные долговые обязательства. Мама считала своим священным долгом погасить их полностью, чтобы не оставить малейшего пятна на имени мужа. Как мама, так и некоторые другие твердо были убеждены, что многие злоупотребляли этим. Все же мама до самого конца осталась верной этому принципу.

Таким образом, после оплаты всех обязательств осталось совсем немного. Осталось хозяйство, т.е. 60 десятин с домом и двором и, собственно, мало что еще. Это нужно было поделить на четыре равных части (маме, Кильяну, Паулине и мне). Насколько я помню, каждая часть составила около 4000 рублей. Хозяйство отошло мне и было оценено в 6000 рублей, так что я должен был выплатить еще 2000 рублей. Так как все дети были еще несовершеннолетние, то был назначен опекун Давид Рихтер/Richter, который должен был управлять имуществом.

Мама не только не ликвидировала дела своего умершего мужа, но еще и продолжила некоторые из них. Она была слишком активной женщиной, чтобы от всего сразу отказаться. Но все же одной ей это было не под силу. Так случилось, что она, согласно распространенному обычаю, приблизительно через год после смерти папы вступила в новый брак с Иоганном Рикером. Откуда эта семья происходила я не знаю, он сам никогда не рассказывал о своем происхождении. Я знал еще троих братьев, кроме него. Они все отличались от тамошних колонистов и, мне кажется, они скорее происходили из Северной Германии. Из четырех братьев только один был земледельцем (Христиан Рикер в Андребурге), трое других были ремесленниками, а именно каретниками. Эту же профессию имел и мой отчим, однако потом от нее отошел. Все четверо братьев были высокорослыми, белокурými, красивыми мужчинами и все были более образованны, чем средние колонисты. Они были очень способные люди с некоторым лоском, в особенности мой отчим и его брат Вильгельм (каретник из Пришиба).

Мой отчим был значительно моложе мамы, я думаю разница составляла примерно 15 лет. Он был вдовцом и у него было двое детей от первого брака, сын Отто (на два года старше меня) и дочь Ольга (моего возраста). Это был очевидный брак по расчету, как было принято в тех местах; видимо, мама посчитала, что Рикер лучше других сможет продолжать вести дела. Брак отнюдь не был счастливым и бросил некоторую тень на мое раннее детство, скоро и мама поняла, что совершила ошибочный поступок.

Я вспоминаю бурные сцены между моими родителями из моего раннего детства, сцены, которые каждый раз наводили на меня ужас. Доходило часто до очень тяжелых сцен и я с ужасом вспоминаю, как в 1871 или 1872 году во время очередного скандала Рикер набросился на маму с кулаками. Мама подхватила меня на руки и ушла к моей сестре Кате, у которой мы прожили приблизительно 14 дней. Я был очень рад этому, так как мама, казалось, твердо решила разорвать этот брак. По тем временам это было что-то неслыханное. Поэтому не было недостатка в посредниках. Я вспоминаю, что пастор Кухель нанес тогда моей маме длительный визит, приходил также окружной староста и некоторые другие посетители. С отчимом мама наотрез отказывалась встречаться. Все-таки в конце концов ссора была улажена и мы вернулись домой.

Такие случаи, возможно, менее страшные, случались нередко, особенно если Рикер был навеселе, а в таком состоянии он приходил домой довольно часто. Если мы по вечерам укладывались спать без него, я умолял маму обещать мне

ничего ему не говорить, когда он явится домой. Конечно, она не всегда могла сдержать слово, и тогда я, проснувшись среди ночи, становился свидетелем сильного скандала. На Отто и Ольгу такие случаи производили гораздо меньшее впечатление. Я обычно дрожал всем телом, вцеплялся в маму изо всех сил, старался ее успокоить и просил ее уступить.

Обстановка в то время в родительском доме была далеко не блестящей. Благодаря нескольким неудачным сделкам Рикера мамины средства были растрочены (сам Рикер не владел ничем), так что жизнь на прежнем уровне стала невозможна. Да и семейные ссоры тоже, видимо, были тому причиной. При всей любви к маме я не решился бы утверждать, что мама не давала иногда сама повод к возникновению таких ссор. Ее гордость была сильно уязвлена, она тяжело переживала незаслуженную необходимость привыкания к новым скромным условиям жизни. Все ее планы, часто не очень скромные, терпели неудачу, ее честолюбие, несомненно очень развитое, ее гордость страдали очень сильно. Поэтому временами в пылу ссор не было недостатка в жестких словах с ее стороны, например, *“Ты был нищим, пока я не сделала тебя человеком”*, или: *“Ты - ремесленник, а я жена окружного старосты”* и т.д. К счастью, происходили такие сцены не слишком часто, хотя повод для этого был всегда, или почти всегда: обычно склонность Рикера к спиртным напиткам и, реже, неодобрение мамой нового предприятия Рикера.

Я боялся Рикера, хотя, честно говоря, он никогда меня не обижал. Он обращался со мной холодно, но ни разу сильно не обидел. В то же время со своими детьми он, наоборот, был очень жесток, в особенности с Отто, даже в 15-летнем возрасте подвергая его телесным наказаниям, чего со мной не делал никогда. И все же я боялся и не любил его. В более поздние годы, когда я уже стал взрослым, отношения улучшились. Он научился уважать меня и, кажется, даже полюбил, часто гордился мной и радовался моим успехам. Я почти уверен, что он был искренен в этом, и я верю, что в глубине души он был не таким уж плохим человеком. Также многое улучшилось со временем и в отношениях между мамой и им, не без моего воздействия или, во всяком случае, моего влияния. Особенно в последние годы отношения были совсем хорошие.

Что касается моего воспитания, то я должен быть бесконечно благодарен моей матери, всем, чего я достиг, я обязан ей и только ей. Она приняла твердое решение дать мне возможность получить хорошее образование. То, что ее первоначальные планы по моему образованию и воспитанию были осуществлены с лихвой, не подлежит никакому сомнению.

Во всяком случае об университете первоначально никогда речь не шла. Когда я достиг 9-летнего возраста, мама приняла решение отдать меня в гимназию. Я могу себе представить, как тяжело далось ей это решение, так как это сулило расставание с любимым сыночком. Кроме того были необходимы средства, которыми она не располагала.

Я имел свое собственное имущество, которым управлял мой опекун. Он оказал маминым намерениям серьезное сопротивление, утверждая, что такое решение может принять только он, и в средствах отказал. Здесь сказалась железная энергия моей матери, которая по тем временам была редкостью для женщины ее сословия. Они начали тяжбу с опекуном. Знакомый с тамошними условиями знает, что значит вести судебный процесс в начале 70-ых годов в той местности. Для этого нужно было ездить в уездный город Мелитополь, вести переговоры с адвокатами, не бояться

накладных расходов и т.д. Эта тяжба длилась, насколько я знаю, около 2-х лет, прошла через различные инстанции и, наконец, была выиграна моей мамой. Приговор (кажется, судебной коллегии) гласил, что опекун должен управлять имуществом, а вопросами образования и воспитания должна ведать только мать. Таким образом моя участь была окончательно решена.

За полученное мной образование я должен быть благодарен необычайной энергичности и настойчивости моей матери, которая, со своей стороны, сделала все возможное, а порой и невозможное, чтобы осуществить заветную мечту моего отца сделать из меня образованного человека. Уже одно это свидетельствует о неординарном характере моей матери. И если слабая тень иногда возникает во мне при воспоминании о ней, то это связано исключительно с ее отношениями с третьим мужем. Из-за моей молодости и неопытности я не могу судить, был ли только он повинен во всем.

То, что основная часть вины лежит на нем, мне очевидно. Но я часто удивлялся, что мама, обычно такая спокойная, невозмутимая, благожелательная, я бы сказал уравновешенная, могла быть такой жесткой. Хотя нельзя отрицать, что при всем спокойствии и доброжелательности некоторая авторитарность, вероятно, даже отчасти властолюбие, в ее характере присутствовали.

Причиной тому, скорее всего, было то, что она явно превосходила окружающих и была этим несколько избалована. К тому же ее тщеславие было слишком ущемлено невозможностью жить с прежним размахом, чему виной были промахи ее намного более молодого мужа. Мне кажется, что она часто раскаивалась в том, что пошла на этот брак.

С шести лет, как это было принято, я начал посещать сельскую школу. Но уже до этого мой брат Евгений обучил меня чтению и письму, так что я уже не был начинающим учеником. Школа была очень посредственная, кроме чтения и письма изучался еще только счет и библейская история, также немного русский язык. При лучших учителях, конечно, за 8 лет посещения школы можно было достичь значительно большего. Мне кажется, что я достиг неплохих успехов, во всяком случае у меня почти никогда не было взысканий. В 1874 году собралась группа учеников и наняли русского учителя, с которым приблизительно 10-15 мальчиков занимались по особой программе. Здесь уже нужно было больше заниматься, для меня это была подготовка к поступлению в гимназию, которое и состоялось в августе 1875 года в Бердянске. С радостью, но также и со страхом и нерешительностью я поднимался к маме в ее красивую крытую коляску <...>, чтобы отправиться в длинное путешествие (120 верст).

Тогда я впервые увидел город, море и впервые должен был расстаться с моей горячо любимой мамой. Вступительный экзамен в первый класс прошел не совсем гладко, я был принят, однако по истечении шести недель должен был пройти дополнительное испытание по арифметике.

В пансион я был отдан к одной вдове-немке, фрау Штиф, у которой было еще несколько пансионеров разного возраста. Там же был мой сводный брат Отто Рикер, который поступил в гимназию на год раньше. Он проучился однако только до третьего класса, так как успехи его были невелики, а поведение неудовлетворительное. Он сам не проявлял никакого стремления к учению, и отец забрал его домой.

Сначала дела у меня тоже шли не блестяще. Мне было тяжело вживаться в новые условия, мой русский язык часто вызывал насмешки, я тяжело сходился с

соучениками, так как не был предрасположен к дурным привычкам. Поэтому меня часто называли маменькиным сыночком.

Когда мама забирала меня после окончания учебного года, ей не понравился пансион, совершенно справедливо, и на следующий год она отдала меня в семью гимназического учителя французского языка Эрнста Францевича Яковчича. Здесь мне было гораздо лучше, хотя там тоже жили еще трое мальчиков, в том числе большой шалопай по имени Брунс из Симферополя. Он стремился склонять нас ко всяческим дурным привычкам и двое других мальчиков много от него натерпелись; меня он, как ни странно, не трогал. Учение на второй год пошло значительно лучше, но я все еще был средним учеником, хорошим учеником я стал только в четвертом классе, который я закончил уже с отличием.

К этому времени в гимназии учились еще несколько сыновей колонистов. Самым старшим был Яков Шварц/Schwartz из Неймонталя, который закончил гимназию уже в 1879 году и поехал в Одесский университет изучать юриспруденцию. Шварц имел несомненное влияние на нас, сыновей колонистов, он был для нас идеалом. Когда он уже учился в Одессе, я часто переписывался с ним и советовался по всем вопросам, которые меня интересовали¹. Кроме Шварца были еще два брата Шаад/Schaad², А.Нойфельд/Neufeld, Адам Вальтер/Walter³, затем в некотором отдалении от нас П.Эдигер/Ediger, П.Винс/Wiens⁴, Э.Хюберт/Hubert⁵ (меннониты), из которых позже образовалась тесная компания. Это были в основном хорошие, умеренно одаренные, исключая Нойфельда, юноши. Исключительно одаренным был Нойфельд, судьбе которого я посвятил специальную брошюру воспоминаний. Именно Нойфельд оказал на меня совершенно особенное влияние.

* * *

Прежде чем я продолжу, я хотел бы вспомнить еще одного человека, который оказал значительное влияние на меня в раннем детстве. Я упоминал уже, что в 1870 году наш дом сгорел. Тогда произошло несколько сильных пожаров в наших колониях, которые возникали, несомненно, из-за поджогов. В нашей колонии подряд произошли два пожара. Во время первого было разрушено 2/3 дворов, но наш дом остался невредимым. Пожар возник поздним вечером во время уборки урожая, когда дворы уже были заполнены зерном. Урожай был в том году замечательный. Можно представить поэтому ужас людей, которые за одну ночь потеряли все и остались бездомными. Так как большинство домов было крыто соломой или камышом, а задние дворы были переполнены зерном, огонь распространялся необычайно быстро. О тушении огня нечего было и думать, нужно было спасать то, что еще можно было спасти. Нас детей посадили в нашу крытую повозку и вывезли за деревню. Это была ужасная ночь. Даже мы, дети, не могли спать и наблюдали с ужасом зловещее и прекрасное море огня, бушевавшее перед нашими глазами. Впечатление было таким сильным, что даже теперь, более чем через 50 лет я помню многие подробности этого зрелища. Живо вспоминается мне, как я со страхом спрашивал каждого, который приходил из горящей деревни: "*Наш дом уже горит?*". Наш дом сохранился, но ему было суждено стать жертвой следующего пожара, через 14 дней после первого. Этот второй пожар начался в полдень, когда почти все мужское население деревни поехало тушить пожар в колонию Фридрихсфельд/Friedrichsfeld, расположенную в 10 верстах. Пожар вспыхнул мгновенно и распространялся так быстро, что не удалось спасти

почти ничего. Особенно страшно было, что несколько лошадей не успели вывести из конюшни, и они сгорели заживо.

Кроме некоторого количества белья и одежды все сгорело, даже ценности и деньги. Мы находили позднее сплавленные вместе серебро, золото и медь. Только золотые часы моего отца и его единственную фотографию спасла мама. Поэтому я не имею ни одной строчки, написанной его рукой, о чем я особенно сожалею. Крытое черепицей хранилище удалось спасти. В нем уже было размещено несколько бездомных семей, теперь мы присоединились к ним.

Прежде всего нужно был подумать о крыше над головой. О новостройке нечего было и думать, да и средств не хватало. Хлев и склад, однако, нужны были обязательно. Так называемое хранилище было довольно вместительным сооружением, но без внутренних перегородок /.../.

Прежде всего была поставлена только поперечная стена (красная) и сложена печь. Они и довольно большой шкаф делили помещение на 2 комнаты. Через 12 лет я выгородил себе еще комнатку (также красным), в которой я жил, приезжая на каникулы. Кухонные помещения были уже выделены ранее и располагались на несколько ступенек выше. До пожара они использовались как летняя кухня. Между дверями в первом помещении кухни находилась крышка люка, ведущего в большой подвал. С этой крышкой у меня связаны плохие воспоминания: однажды я быстро бежал из второго кухонного помещения во двор. Так как крышка люка была открыта, то я рухнул в подвал. Только благодаря чуду я отделался тогда шишками, хотя и был без сознания, когда меня извлекли наружу.

Из двух помещений, образованных поперечной стеной, одно делилось большой печью и шкафом (между ними еще была ситцевая цветная занавеска), на жилую комнату и общую спальню для моих родителей и нас троих детей. Мой брат Евгений уже не жил тогда с нами, он служил в хранилище в Нойгальбштадте/Neu-Halbstadt приказчиком. В этом доме прошла осознанная часть моего детства, и с ним связаны большинство моих детских воспоминаний.

В доме практически не было мебели. Готовую мебель в тех краях негде было купить. Через какое-то время появился странствующий ремесленник, немец, который предложил свои услуги. После вполне удовлетворительной пробы с ним был заключен договор, и он на долгое время поселился в нашем доме. Его звали Вильгельм, он был красивый мужчина приблизительно 25 лет, среднего роста, белокурый, с аккуратной светлой бородой. Я быстро с ним подружился. Часами я сидел на верстаке и внимательно слушал его рассказы или песни, которые он пел. Он был очень приятный человек, всегда доброжелательный, услужливый и веселый, так что вскоре все его полюбили. Он рассказал мне очень много о своих путешествиях, и пробудил во мне интерес к ручному труду. Он показывал мне различные столярные приемы, разрешал мне делать кое-какие мелочи и особенно радовал меня, когда просил моей помощи. Мне он казался очень образованным человеком. Скорее всего он не так уж много учился, как мне казалось, однако во время своих странствий, будучи очень общительным, многое видел и испытал. Я у него очень многому научился. Склонностью к ручной работе, точности и аккуратности в работе, которыми я позже отличался, я обязан ему. Вечерами он сидел с нами за нашим семейным столом и читал газеты и журналы. Он уделял мне много внимания, рассматривал со мной иллюстрации, многое объяснял мне и способствовал пробуждению у меня любви к печатному слову. Он был очень хороший столяр. Он изготовил для нас много

прекрасной мебели, в особенности я любовался комодом из ясеня, верхняя часть которого напоминала старые секретеры с отделениями для писем, потайными ящичками и т.д. Он также сделал мягкое кресло для мамы, в котором мама часами сидела у окна со своим рукоделием или с книгой, а я сидел рядом с нею на скамеечке для ног. Это были мои лучшие часы, когда моего отчима не было дома (а отсутствовал он довольно часто). Мама меня часто баловала, как своего любимца и последнего ребенка, но в меру; она могла быть и очень строга со мной, хотя и никогда не наказывала меня физически. Она вовсе не стремилась непременно исполнить любое мое желание, но стремилась с раннего детства воспитывать во мне чувство долга и справедливости. Она баловала меня в мелочах, небольшими лакомствами и т.п., но была тверда и последовательна в серьезных вещах. Так, я должен был выполнять все работы по дому и во дворе, как это было принято, только одет я был лучше, чем другие мальчики. Насколько я помню, я в детстве никогда не болел, даже так называемые детские болезни я не могу припомнить. Однако в случае небольшого недомогания мама окружала меня такой любовью и уходом, что для меня эти маленькие недомогания были предметом особенного наслаждения. Я подозреваю, что симулировал при случае, чтобы получить "*Schmandsuppchen*", чай с вишневым соком или лимонад. Именно лимонад был одним из основных лекарственных средств в аптечке моей матери. Столяр Вильгельм жил у нас долго, чуть ли не целый год. И кончалось это катастрофой. Он был всегда очень скромным, дружелюбным, услужливым и т.д. Однажды он возвращался пьяным из поездки за покупками, нужными для его работы. Случилась какая-то ссора с моим отчимом. С тех пор пошло все хуже, он скоро снова напился, позволил себе новую ссору с Рикером и его выставили за дверь. С тех пор я больше никогда не слышал о нем... Для меня его уход был тяжелой потерей и я много слез пролил по этому поводу. Но по сей день я благодарен моему доброму Вильгельму за все, чем он был для меня.

Пока я до гимназии жил дома, мой образ жизни не отличался существенно от моих ровесников, за исключением того, что я получал несколько большее духовное развитие и, вероятно, больше был обласкан моей матерью, чем это было принято. Условия жизни были очень скромные, мясо бывало только редко, зато зимой были колбасы, ветчина и соленая свинина с кислой капустой. Еще были клецки, блинчики, омлеты и другие мучные блюда, каши, вместо кофе - *Prips* (*Gestenkaffee*), на хлеб намазывался свиной жир, иногда арбузное варенье (вместо меда). Молоко, разумеется, мама на мне не экономила, даже приучила меня пить ежедневно парное молоко. Летом я ходил босиком или носил простые сандалии без пятки, так как по полю нельзя было ходить босиком.

Я начал рано работать в поле или на току, во всяком случае уже с 7 лет. Большой охоты к этой работе я не ощущал, но честолюбие заставляло не отставать от других. Во время обмолота я почти весь день проводил на току верхом на лошади, которая тянула *Dreschstein* (молотильный камень). Мы начинали работу с восходом солнца и работали до темноты с небольшими перерывами. Даже послеобеденный отдых не был принят. Так работали все, включая моих родителей, так как работников почти не было (только кухарка и конюх), и только если урожай был очень хороший, на месяц нанимался еще один работник. Моему физическому развитию это не повредило; наоборот, я был всегда здоров и имел цветущий вид.

Мы, дети, наслаждались собственно только весной, пока не было никаких полевых работ для нас. Тогда мы гуляли в нашем лесу (парке из старых деревьев -

ясени, вязы, березы, тополи, клены), влезали на самые высокие деревья, разоряли гнезда, играли в прятки и т.д. Кроме того, очень распространена была игра в мяч, которая требовала большой ловкости. Мячи мы делали сами из кожи, набитой шерстью; это были отличные мячи. Манеры детей были далеко не безупречны, было много ссор и споров, что было мне ненавистно. Как только доходило до этого, я старался тихонько уйти. Я быстро научился делать всевозможные игрушки: деревянные сабли, маленькие повозки, флейты из веток бузины, бумажные змеи и т.п., причем наука столяра Вильгельма и наставления моего очень искусного брата Евгения очень мне пригодились.

Вскоре я научился изготавливать и различные домашние мелочи, что сделало меня в доме и дворе очень полезным: вешалки, рукоятки для метлы, рукоятки для молотка и др. Зимой я очень охотно без всякого принуждения сделал несколько пробных рисунков красками, подаренными мне Евгением, но они выглядели довольно жалко (этот альбом у меня сохранился до сих пор). Коньков мы не знали, но в снежки играли очень много. Зимой я гулял в той же одежде, которую я носил в доме, добавлялся только вязаный шарф. Однако обходилось без простуд.

Любимым занятием для меня было топить большую печь соломой; я садился рано утром, перед восходом солнца, у печи на скамеечку, брал книгу и читал при свете огня. В остальном я проводил зимой много часов с мамой, помогал наматывать шерсть или хлопок и внимательно слушал ее рассказы, на которые она была неистощима. Она рассказывала мне многое о моем отце и сумела пробудить в моем детском сердце любовь и уважение к нему. Благодаря ей я уже рано, еще мальчиком, часто спрашивал себя: *“Что подумал бы об этом мой дорогой папа?”*; *“Я должен хорошо учиться, так как этого хотел мой папа”*. Разумеется, я добавлял всегда *“и мама”*. Она учила меня еще ребенком осмысленно молиться: не произносить заученные молитвы, а любимому Господу все рассказывать, не только поступки, но и мысли, хорошие и плохие, и просить его о помощи. В этом смысле она давала мне очень религиозное воспитание, однако свободное от ханжества.

Внешних проявлений религиозности у нее было немного. Мы ходили, разумеется, в церковь по воскресеньям, но больше никаких проявлений религиозности, например, застольной молитвы, не было. Вообще она была очень веселой и общительной от природы. Общительность она ценила больше всего. Она была очень остроумная и очень охотно добродушно поддразнивала собеседников. Она могла смеяться прямо-таки заразительно и благодаря этому вносила оживление в общество. Танцевала она тоже очень охотно до самого почтенного возраста. Она писала мне еще в 1895 году о свадьбе, на которой она танцевала несколько раз вальс, уже в возрасте 75 лет! И я танцевал с ней вальс, когда ей было уже 70! Она с удовольствием и хорошо читала вслух, и колонисты охотно слушали *“что пишет газета”*. Содержание целых романов, которые она читала, она охотно пересказывала желающим слушателям. Я вспоминаю еще из моего раннего детства, что она читала ужасный роман об инквизиции, в котором говорилось о мученице Барбаре Ульрик. Пока она читала эту книгу, приходили ежедневно люди, и после первого приветствия сразу спрашивали (ломаный немецкий): *“Ну, как там дальше с этой Барбарой?”*. И тогда начинался пересказ продолжения романа. Диалект колонистов мама не восприняла; конечно, не обошлось без влияния на ее язык, но в целом она говорила правильно, на литературном немецком языке. Она очень охотно общалась с образованными людьми, как и мой отчим. Поэтому наш дом был единственным

(?), в который заезжали все друзья, в том числе и русские, служащие, врачи, учителя и т.п. Когда в Неймонтале поселился врач, то он ежедневно бывал у нас. Русский учитель Юзефович, у которого я учился русскому языку (1874 г.), с женой тоже ежевечерне были нашими гостями. Только в нашем доме ставился самовар и пили чай. Эти визиты тоже немало способствовали моему развитию.

Не знаю чему я обязан тем, что уже ребенком со мной обращались не так, как с другими детьми моего возраста. Факт тот, что со мной обращались иначе, никогда не обращались грубо, не ругали и жестоко не наказывали. Я был чрезвычайно восприимчив в этом смысле <...>. Порицание меня всегда глубоко задевало, но также и поощряло не зарабатывать его в другой раз; поэтому в большинстве случаев одного замечания было достаточно, чтобы я не повторял ошибку. Действительно дурных привычек у меня не было. Я был, однако, очень вспыльчив. Один эпизод до сих пор вызывает у меня озноб по спине. Я играл с влажным песком и строил вместе с Отто домики из песка. Мои домики оказывались намного лучше; из зависти он пнул ногой мой самый красивый домик. Незадолго до этого нам подарили по маленькому железному молотку. Я схватил свой молоток и ударил Отто по голове. Как силен был мой испуг, когда я увидел льющуюся кровь! Я пожалел о моей внезапной ярости и в полном отчаянии убежал в лес, где прятался и плакал до вечера. Мне было тогда, пожалуй, 5-6 лет (наш старый дом еще стоял), однако я свято поклялся никогда ничего подобного не делать, никогда не быть таким злым. Меня не наказали и дальнейшее я не помню, но этот эпизод, прошедший для Отто, к счастью, бесследно, многому меня научил. Такие случаи в будущем никогда не повторялись. Вообще я был тихим мальчиком, нерешительным, стеснительным, краснел по самому незначительному поводу, за что в гимназии получил прозвище *“красная девица”*. В шалостях я участвовал неохотно, поэтому хулиганистые соученики относились ко мне с некоторым пренебрежением. Но и плохого отношения со стороны моих гимназических приятелей не было.

Начиная с 3-го класса дела с учением пошли уже лучше, а в 4-м я уже считался хорошим учеником. Я занимался очень усердно, к чему меня понуждала преимущественно любовь к маме: для меня было очень важно доставить ей удовольствие. С тех пор я был одним из первых учеников, в большинстве случаев даже первый в классе. Самые большие успехи у меня были в языках, математика давалась мне меньше, что частично могло объясняться тем, что учителя были не такие хорошие.

У меня была очень хорошая память, которая помогала мне в трудных случаях. И все же у меня было чувство, что мои способности отнюдь не такие замечательные, что вызывало некоторую неуверенность в себе. Благодаря моим успехам, моему усердию и вниманию я заслужил такое доверие моих учителей, что они мало контролировали мои знания. Меня месяцами не вызывали, чаще всего ко мне обращались с вопросом, на который кто-нибудь из моих соучеников не мог ответить. Благодаря этому я стал менее усердно заниматься, часто довольствовался выполнением домашних заданий на переменах, причем моя превосходная память часто меня выручала. Зато я стал очень много читать, к сожалению, без разбора. Конечно, я прошел период увлечения Купером, Майн Ридом и другими историями про индейцев; однако этот период был недолгим. За этим последовала современная литература, как русская (Писемский, Гончаров, Тургенев и другие), так и иностранная, среди них Виктор Гюго, Ауэрбах, Шпильхаген, А.Додэ, Verga и другие. Особенно

популярен был тогда Шпильхаген, так как его социально направленные романы соответствовали преобладающим социально-политическим взглядам молодежи. За этой литературой вскоре последовала существенно более серьезная, в основном исторического и критического содержания. Белинского, Добролюбова и особенно Писарева должен был прочитать каждый, считающий себя образованным, человек, далее следовали Бокль (история цивилизации в Англии), Михайловский, Дарвин и пр. Охотно образовывались маленькие читательские кружки, с участием и молодых девушек, которые не были разрешены и именно поэтому имели особенную привлекательность своей конспиративностью. Я не могу утверждать, что все это хорошо усваивалось, но все-таки это оставило после себя полезные следы.

Как раз в то время мой характер начал раскрепощаться. Свободное общение со школьными товарищами обоего пола оказывало свое действие. Мы не ограничивались простым общением, при случае устраивались танцы, мы встречались на катке, совершали прогулки и т.д. Конечно, не обходилось без юношеского увлечения нашими приятельницами. Я не был самым скромным в этом вопросе и выказывал интерес к признанной первой красавице Соне Тяпочкиной, которая была младше меня на два года, надо сказать не без успеха, по крайней мере в первое время. Позднее ее родители так усердно ее опекали, что в последние два года моего пребывания в Бердянске я почти не общался с ней. После того, как я покинул Бердянск, я потерял из виду мое первое увлечение и мы встретились вновь только через 31 год <...>. Мы оба обрадовались этой встрече, оживленно обменивались воспоминаниями молодости и наша дружба возобновилась.

Бердянская гимназия имела тогда хорошую репутацию, разумеется, не в попечительском совете в Одессе. Директор, Р.Я. Вороной, пользовался большой любовью и уважением своих учеников. Он был строг, но очень справедлив, всегда заботился о своих учениках. Он считался свободомыслящим, не имел никаких национальных предубеждений, был очень образован и отличался большой энергией. В его карьере дела шли не блестяще, его переводили во все менее крупные и значительные гимназии. В Бердянск он попал в 1875 году, т.е. в год моего поступления в первый класс. Вскоре он уже знал каждого ученика и внимательно следил за их успехами. Он был большим приверженцем хорошего физического воспитания, поэтому вскоре мы получили отличный гимнастический зал, также он заботился об играх на воздухе (бег, метание диска, игры с мячом, катание на коньках зимой и т.д.). Он старался воспитать в своих учениках общительность и заботился о воспитании достойных отношений с представителями другого пола. В школьном зале устраивались танцевальные вечера и директор сам заботился о выработывании у учеников приличных манер. Не танцевавших он терббил, сам находил им даму и старался создать непринужденную и веселую обстановку. Он пригласил учителей танцев, фехтования и гимнастики и очень радовался, если мы делали успехи в этих дисциплинах. Как учитель он был очень строг; он преподавал латынь в 5-м классе и прямо-таки муштровал нас в течение всего года. Если у него было очень хорошее настроение, то нам удавалось уговорить его почитать что-нибудь на уроке вслух (Гоголя или Достоевского). Нам это доставляло большое удовольствие, так как он был превосходным чтецом, впрочем, особенно интересны были его комментарии и замечания.

За судьбой своих бывших учеников он следил очень внимательно. Меня он навещал в 1903 году, то есть через 22 года после нашего расставания, был чрезвычайно любезен, радовался моим успехам и смог еще вспомнить нескольких связанных со

мною эпизодов из гимназического времени. Говоря, что он был очень строг, я должен сделать некоторое пояснение: строгим он был во всех вопросах, касающихся долга, чести, честности, корректности и т.п. В менее важных вещах, в особенности в отношении внешнего вида, он был очень снисходителен: нас не заставляли обязательно застегивать кители на все 9 пуговиц, разрешалось носить различные галстуки и т.д. Он совсем не был формалистом и это сказалось на духовном воспитании и характере его учеников. Мы боялись его, в то же время любили безумно, и были очень огорчены, когда он за *“вредную деятельность”* в 1881 году был переведен в прогимназию города Прилуки (Полтавская губерния).

Учительский персонал был очень пестрым, были и хорошие и плохие преподаватели. Лучше всего в среднем преподавались древние языки, более или менее - история и география; довольно плохо - математика. Неудовлетворительная математическая подготовка опшутимо сказалась в моей дальнейшей учебе.

Среди моих школьных товарищей нашлись совсем немногие, с которыми развились тесные дружеские отношения. Ближе всего я сошелся с Нойфельдом, который значительно опережал меня в духовном развитии и от которого я перенял очень многое. Другие соученики, с которыми я сблизился, Альберт Шааб, Хюберт, Эдигер не могли оказать на меня особое влияние, это были просто хорошие приятели. Ближе всего мне был Альберт Шааб, младший меня на несколько лет. В последний год поступил в 8-й класс новый ученик, Филипп Головков, сын богатого торговца. Он держался в отдалении от всех учеников, но энергично добивался моей дружбы. Он был необщителен, всегда очень серьезен, очень целеустремлен, хотя и без особых способностей, при этом у него был приличный музыкальный талант. Он уже посещал консерваторию в Петербурге, а теперь ему нужно было получить аттестат зрелости, чтобы поступить в университет. При этом он еще не был совершенно уверен, что снова не вернется к занятиям музыкой. Мы жили с соседних домах. Он сумел поставить дело таким образом, что я вскоре стал его ежедневным гостем; мы вместе занимались, читали до поздней ночи серьезные книги. Нойфельда уже не было тогда в Бердянске, поэтому в моем классе у меня не было никого ближе его. Он жил в прекрасных условиях, имел в верхнем этаже дома своего отца большую комнату, в которой также было прекрасное крыло (?).

Рядом с ним жил его старший брат Илья (торговец), который еще не был женат. Родители появлялись редко, чай и обильный ужин подавался нам наверху (самая лучшая икра подавалась в мисках, так как отец занимался рыбной торговлей!), очень часто по вечерам приходили еще две молодые девушки, ученицы 8 класса. От серьезной литературы переходили к бурному веселью, только меня часто поддразнивали безжалостно (*schonungslos*) из-за моей скромности и нерешительности. Тон был свободным, но всегда приличным. Моя нерешительность давала повод ко многим шуткам. Так однажды во время прогулки кто-то задал вопрос, чтобы я делал, если молодая девушка захотела меня поцеловать. Обе девушки предложили решить вопрос экспериментально, бросились ко мне, я убежал и меня долгое время преследовал образ смеющейся чудесной молодой девушки. Таким образом Илья Головков выиграл тогда пари (оказывается было заключено пари).

С Филиппом Головковым я жил еще год в Одессе, отношения, однако, по неизвестным мне причинам постепенно стали более прохладными, и после моего отъезда из Одессы в Дерпт, я потерял его из виду⁶. В 1892 году я узнал от знакомых, что Федор Головков живет в Одессе, женат и уже несколько дней тяжело болен. Я

сразу же навестил его. Он очень обрадовался моему приходу, слезы выступили у него на глазах, он благодарил меня за приход и начал говорить о своей вине передо мной. Я сразу остановил его, так как видел его тяжелое состояние. У него был заворот кишок и состояние было практически безнадежно. Он умер через два дня после тяжелой операции, сделанной в городской больнице. Я делал для него все, что было в моих силах, всячески заботился о нем, но все было напрасно. Он рано женился и, умирая, поручил мне заботу о его молодой жене. У него здесь не было близких людей. Я телеграфировал его брату Илье и занялся устройством молодой вдовы, которую временно разместил у друзей (супруги проф. Прендель⁷). К сожалению, ее характер оказался не очень хорошим, она доставила мне много забот и огорчений, так как мою заботу истолковала как любовь. Наконец я был вынужден, примерно через полтора года совсем порвать с нею отношения. Это было тяжелым эпизодом в моей жизни, доставившим мне много огорчений. О Филиппе я и теперь вспоминаю с любовью, так как он был благородным человеком, хотя и не без особенностей и причуд. Он был отличным пианистом и обещал, как меня уверяли, стать замечательным композитором.

В семье Яковчич я оставался до 1881 года. Два последних года моего гимназического времени я жил вместе с Нойфельдом, обоими братьями Шаад и Хюбертом. Это было прекрасное время. Не могу сказать, что я учился очень усердно: скорее наоборот, я стал учиться небрежно и меня спасало только хорошее реноме, благодаря которому я продолжал считаться хорошим учеником. Кроме того, у меня появилась глазная болезнь (трахома), так что я месяцами не мог читать. Зимой 1882 года я поехал в Харьков к известному окулисту профессору Гиршману⁸, где пробыл 6-8 недель.

Моими друзьями были приличные, целеустремленные юноши с серьезными целями и полные жизненных сил. Мы вели жизнь, которая уже напоминала студенческую. В это время приехали в Бердянск еще несколько молодых людей из колоний, Андреас Фот/Voth (будущий врач)⁹, Гаускнехт/Hausknecht (будущий врач), Петер Винс/Wiens (математик, незначительный) и П.Эдигер/Ediger (будущий учитель, тоже не очень хороший). Они привнесли в нашу жизнь свежую студенческую струю, так как Фот некоторое время жил Дерпте и научил нас дерптским студенческим песням. Они все собирались сдавать экстерном на аттестат зрелости. Это маленькое общество собиралось часто по вечерам, причем наряду с серьезными разговорами пелись веселые песни и с удовольствием выпивалось некоторое количество вина и пива на дружеских пирушках.

Это общество оказывало на меня благотворное влияние, так как воспитало во мне общительность и пробудило товарищеские чувства. Особенно нравился мне Фот с его неистощимым юмором. Он стал хорошим врачом, но, к сожалению, пристрастился к спиртному, чего избежали остальные участники этого общества.

Из-за забастовки учеников нашего класса (седьмого), детской истории, которую хороший директор оставил бы без последствий (Вороной уже не был в Бердянске), Нойфельда исключили из гимназии осенью 1881 года, а я получил 24 часа карцера. Нойфельд уехал в Одессу, однако оставался там не долго и вместе со мной получил аттестат зрелости, но потом наши пути разошлись почти на два года.

Незадолго до выпускных экзаменов я заболел брюшным тифом и сдавал экзамены с большим трудом. Как же радостно забилося мое сердце, когда я получил аттестат зрелости и понял, что путь в университет для меня открыт! Заветное желание исполнялось. Мир лежал открытый передо мной.

Но на кого пойти учиться? Я был еще не настолько взрослым, чтобы выбрать профессию осознанно. Я сделал то, что многие тогда делали: выбрал естественнонаучный факультет, чем, собственно, оттянул окончательный выбор. Я видел перед собой два пути: сельское хозяйство и медицина, но решение еще не мог принять.

В августе 1883 года я поступил в университет в Одессе. В Одессу я ехал вместе с Нойфельдом, на пароходе в Севастополе мы встретили еще нескольких бывших школьных товарищей. Мои первые знакомства в Одессе произошли с помощью Нойфельда: К. Вильгельм/Wilhelm, Карл Хертер/Naerter и Генрих Хегер/Hoeger. Вскоре мы, Хертер, Хёгер и я, переехали в общую квартиру. Я не могу представить, как случилось, что Нойфельд не жил с нами. Очень скоро наша квартира стала местом собрания для нескольких подружившихся сокурсников (Нойфельд¹⁰, Пекаторов, Челпанов¹¹, Самойлов, а также К. Вильгельм, Р. Болау/Bohlau и др.). Хегер и, особенно, Хертер оказывали на меня сильное влияние, что было моему другу Нойфельду несколько неприятно.

Оба стремились пробудить во мне национальные чувства, которые у меня были очень мало развиты. Я получил в гимназии настоящее русское образование и воспитание, даже в языковом отношении дело обстояло у меня довольно плохо, немецкую литературу я почти совсем не знал. Хертер был значительно старше, происходил из Бессарабии, изучал в Дерпте философию, не смог завершить там учебу из-за хронического заболевания глаз. Он был вынужден прожить несколько лет у своих родителей в деревне. Когда состояние здоровья позволило продолжить учебу, оказалось, что не хватает денег, а, вероятно, и юношеской энергии. Ему было тогда приблизительно 28 лет. В деревне его ничего не держало, он уехал в Одессу и работал приказчиком на фабрике сельскохозяйственных машин. Само собой разумеется, эта работа не могло его удовлетворить. Она служила только источником средств к существованию и продолжению учебы. Его зарплата составляла тогда 40-45 руб. ежемесячно. На работу он брал с собой книги, так как у него было много свободного времени и он мог посвящать его чтению книг. Так как не предвиделось никакой возможности отправиться снова в Дерпт для продолжения прерванной учебы, то он готовился к экзамену на гимназического учителя немецкого языка и литературы. Этот экзамен он выдержал в 1885 году и получил место учителя гимназии в Болграде¹². Хертер был серьезной и основательной натурой, во всем насквозь немец. Он преклонялся перед немецкой литературой, немецкой философией и искусством и стремился во мне пробудить те же чувства. Удалось ему это только частично, и я не думаю, что будет большой ошибкой утверждение, что он был основной причиной моего решения продолжить учебу в Дерпте. Даже если это было единственное следствие его влияния, то этого достаточно, чтобы чувствовать себя бесконечно ему благодарным, так как всем, чего я достиг, я обязан исключительно моей учебе в Дерпте. Влияние Хертера дополнялось влиянием Генриха Хегера. Он тоже начал учебу в Дерпте (кажется, теология)¹³, затем по причинам, которых я не помню, вернулся в Одессу и учился здесь юриспруденции. Он был младше на несколько лет, чем Хертер, которого он хорошо знал и раньше. Хегер происходил из Шабо, где его отец занимал важное положение как бургомистр, член школьного совета, почетный мировой судья и т.д. Изначально преподаватель, Готтфрид Хегер был один из интереснейших людей, которых я когда-либо встречал. Превосходный знаток не только библии, но и крупнейших философов (Аристотель, Платон, Плутарх, Спиноза, Кант, Шопенгауэр, Гегель, Куно Фишер и др.), и поэтов (особенно Гете и Шекспир), он был весьма

общительным и неистощимым на юмор и шутки. Когда он приезжал в Одессу, его можно было часто видеть в пивной Йозефа (ул.Полицейская), окруженного внимательными слушателями, и я сам с самым большим интересом часами слушал там его рассказы.

Его сын Генрих был несколько замкнут, очень одарен, тоже имел склонность к шуткам, хотя и менее безбидным, при этом также склонен к философии. Он тоже восторгался всем немецким, если он вообще мог чем-то восторгаться.

Жизнь в кругу этих молодых людей, таких разных и имевших такие различные, порой противоположные, мировоззрения, была для меня хорошей школой. Я был самым младшим и, пожалуй, наименее привлекавшим к себе внимание. У меня было много пищи для размышлений и серьезного изучения жизни. Прежде всего, во мне проснулось честолюбие, я не хотел уступать моим друзьям в знании и умении. Это был круг благородных людей, чуждых мелочных порывов, и исповедовавших идеалистические принципы. При этом они ни в коем случае не были ханжами (тихонями?) или *“синими чулками”*. Очень часто раздавался звонкий смех, когда хорошая шутка разбавляла серьезную беседу, Бахус тоже не был предан забвению. Среди нас были представители самых различных дисциплин: Нойфельд - история, Хегер - юриспруденция, Хертер и Челпанов - философия, Головков - музыка. Вскоре я познакомился с человеком, с которым очень близко сошелся. Его звали А.Шмуль (позже Самойлов).

Он был моим сокурсником и мы очень скоро начали заниматься совместно. Он произвел на меня очень приятное впечатление при первом знакомстве. Для него было преимуществом мое знание немецкого языка, что давало мне возможность использовать немецкие учебники. Для меня было преимуществом его отличная математическая подготовка, которая у меня была неудовлетворительная. Очень скоро мы подружились и он стал частым гостем в нашей маленькой компании. Условия нашей жизни были чрезвычайно скромными, так как никто из нас не располагал большими средствами, за исключением Головкова. Мы жили по двое в комнате, на завтрак был чай с хлебом (без масла). Затем был скромный домашний обед в пансионе, а вечером снова чай с хлебом. Разумеется, кроме этого был бочоночек вина, содержимое которого постоянно пополнялось благодаря Хегеру и Хертеру, так как их родители были виноделами. Все же дань Бахусу была довольно скромной - пьяниц в нашей компании не было.

С Хертером, Хегером и Вильгельмом я общался только на немецком языке. Это обстоятельство и мое усердное чтение немецких писателей очень скоро заметно отразилось на моем владении немецким языком. Я вступил в немецкий гимнастический союз и стал усердным гимнастом; здесь также старались прививать немецкие привычки и выработать немецкий характер. Однако мое русское воспитание укоренилось так глубоко, что совсем не легко было сделать из меня настоящего немца. Мое уважение к немецкому искусству и науке заметно росло, но любовь к моей русской родине не становилась меньше. Так я прожил в Одессе два года. Постепенно я понял, что настоящего прогресса в учении нет, что изучение естествознания здесь носит половинчатый характер. Эти мысли созрели во мне окончательно во время каникул в 1885 году. В июле, еще до окончания каникул, было решено: в Дерпт - изучать медицину! Я сразу отправился в Одессу и встретился с моим другом Самойловым, с которым мы серьезно это обсудили. Он легко согласился с моими доводами.

Короче говоря, мы забрали наши документы и отправились в августе 1885 года в город нашей мечты Дерпт. Так произошел решительный поворот в моей жизни и в моей учебе. Все было ново там для нас, к чему-то нужно было привыкать, в чем-то *“переучиваться”*. У меня возникла тяжелая внутренняя борьба и начались довольно глубокие разногласия с моим другом. В то время как он решительно не принял традиционный для местного студенчества образ жизни, во мне заговорила моя немецкая кровь, сказалося и предыдущее влияние Хертера.

Я отрицательно относился к некоторым остаткам средневековых обычаев, но отнюдь не чувствовал отвращения к образу жизни дерптских студентов. В то время как я стремился к обществу немецких студентов, Самойлов присоединился к русскому и еврейскому студенчеству. Эта неопределенность положения была мне очень неприятна и наша дружба находилась под угрозой.

Очень скоро я научился различать немецкую самобытность и особенности балтийских немцев. Их характерные черты начинали меня отталкивать. Поэтому я, к счастью, не дал втянуть себя в суету их жизни, отдалялся от них все больше и больше, и, соответственно, укреплялись пошатнувшиеся отношения с моим другом. К счастью для меня, так как кто знает, прошел бы я иначе намеченный путь к поставленной цели. Наши дружеские отношения пережили еще одно испытание. Его неприглядное имя и его национальность послужили причиной тяжелой внутренней борьбы для меня. И все же победили благородные принципы, победило чувство дружбы, которое никогда не нарушалось с его стороны, победило чувство справедливости и, доставшаяся мне от моей матери, национальная непредвзятость. Эти события только укрепили мои дружеские чувства. И хотя мы никогда не касались этого вопроса, я полагаю, что эта внутренняя борьба не ускользнула от его внимания и его дружеские чувства ко мне тоже укрепились. Эта дружба стала дружбой на всю жизнь!

Позднее наши пути, которые были так тесно переплетены, разошлись. В то время как я стал практикующим врачом, он оказался непригодным для этой профессии и пытался, вопреки многочисленным, кажущимся порой непреодолимыми, трудностям, с железной энергией и самоотверженностью, заняться академической карьерой. Однако об этом позже.

Мы прибыли в конце августа 1885 года, это было числа 20-го, в Дерпт. Он приехал прямо из Одессы, а я еще из Одессы поехал домой, а уже оттуда отправился в Дерпт. Он прибыл на один или два дня раньше меня и встретил меня на пристани (я прибывал пароходом из Пскова). После радостного приветствия он проводил меня в нашу квартиру, которую уже снял - вместительная комната, светлая, просторная, средней высоты, в чердачном помещении деревянного дома. Комната была меблирована в расчете на студентов: две кровати, два стола, комод, платяной шкаф, обтянутый клеенкой диван, умывальник, три - четыре стула. Комната была чистой, светлой, и нам, отнюдь не избалованным, казалась очень уютной. Цена была 25 руб. за семестр без отопления и обслуживания. В качестве прислуги нам рекомендовали примерно 40-летнюю эстонку, которая должна была приходиться дважды в день, чтобы готовить чай, убирать комнату и чистить нашу одежду. За это каждый из нас платил ей 3 руб. в месяц. Этот институт *“служанок”* был очень распространен в Дерпте. Это были, как правило, честные, чистые и приличные женщины, большей частью жены рабочих и мелких ремесленников.

Они очень хорошо относились к своим *“молодым господам”* и часто способны были приносить некоторые жертвы для них. Мы приобрели самые необходимые

предметы домашнего обихода (самовар, чашки, стаканы, тарелки, ножи и вилки, ложки, веник, щетку для пола, тряпки и так далее) и стали вести хозяйство.

Уже через несколько дней последовало наше торжественное зачисление в университет, причем мы пожали руку тогдашнему ректору, профессору Эдуарду Вало¹⁴, и дали клятву быть честными и порядочными студентами. И теперь, не теряя времени, углубились в работу. Уже на первых лекциях мы поняли, что сделали правильный выбор. Лекции и в Одессе были не плохие, но в Дерпте педагогическая сторона была учтена больше, лекции вводили нас намного быстрее непосредственно в суть предмета. Совершенно особенное впечатление произвел на нас первый "*Privatissimum*" (?), т.е. практический курс гистологии. Мы оба в Одессе почти два семестра практиковались в гистологическом кабинете. Однако, вопреки всей любезности профессора Репяхова¹⁵, отсутствие систематического подхода не позволило достичь существенных результатов. У профессора Розенберга¹⁶ мы получили в течение шести недель вполне удовлетворительные знания, которые позволяли нам легко распознавать основные ткани под микроскопом и правильно их оценивать.

Таким образом мы за шесть недель, точнее за восемнадцать часов, узнали больше, чем в Одессе в течение года. Это было поразительно и я тогда усвоил, что методичное обучение гораздо эффективнее, чем обучение без систематического руководства. То же происходило и с другими предметами. Видимая продуктивность этой работы наполнила нас энтузиазмом. У нас были превосходные академические преподаватели. Особенно увлек нас преподаватель анатомии профессор Август Раубер¹⁷, который о сухих предметах умел рассказывать чрезвычайно интересно, и благодаря своей выдающейся личности, своим идеалистическим мировоззрениям, своей добросовестности и любознательности пробудил в нас высокие стремления. Мы быстро втянулись в работу и работали неутомимо. Жизнь в маленьком городе не предоставляла никакой возможности развлечений; не было театра, только редкие концерты, у нас не было знакомых семей, к прогуливанню занятий не было никаких предпосылок. Первое время меня пытались втянуть в суету студенческой жизни. Это были несколько юношей корпорации "*Tarbatonia*", которые хотели меня в нее втянуть. Должен признаться, что я уже было заколебался. Многие, особенно Хертер, так много говорили о привлекательности, даже о благоприятном влиянии жизни в корпорации на формирование характера. К счастью, мои отношения с Самойловым уберегли меня от этого. Конечно, не он сам непосредственно удержал меня от этого. Это было время непродолжительного внешнего охлаждения наших отношений, вызванного тем, что он боялся, что я позволю вовлечь себя в их образ жизни, я же, напротив, пугался его абсолютного неприятия. К счастью, во мне снова взяло верх чувство дружбы. Для меня было ясно, что мое вступление в корпорацию будет равносильно окончательному разрыву с Самойловым. Этот внутренний разлад продолжался недолго, никогда у нас не доходило и до серьезного спора между нами по этому вопросу. Я чувствовал, что не должен идти по этому пути, и повиновался этому чувству.

Только теперь я действительно понимаю, насколько это было правильно и чем я обязан моему другу - как в этом, так и во многом другом. Вообще я не могу избавиться от чувства, что без влияния Самойлова я не стал бы тем, кем стал. Его влияние на меня было несомненно и продолжалось даже в зрелые годы. Он играл для меня в некоторых вещах роль живой совести, очевидной и осязаемой совести, от которой я

не мог спрятаться или ускользнуть. Таким образом он косвенно удержал меня от некоторых необдуманных шагов. Польза от этой дружбы не ограничивалась только моральной стороной. Я обязан ему также и за многое другое. Он был более способным, чуть ли не во всем, обладал более глубоким интеллектом, более острым, критическим умом. Он стремился всегда проникнуть глубже в существо предмета и, так как мы работали вместе, я вынужден был следовать за ним.

Вследствие этого развивалось и моя способность критически мыслить. Я многое воспринимал поверхностно, больше опираясь на память, чем на рассудок. У него всегда возникал вопрос "Почему?". Я часто бывал недоволен таким замедлением нашей работы <...>. При ближайшем рассмотрении оказывалась однако, что мое понимание недостаточно глубоко, и требовалось иногда длительное время, нередко с неприятными конфликтами, чтобы я это понял. С какой благодарностью я это признавал постфактум. Его математический склад ума, гораздо больше приспособленный к точному анализу и мышлению...

¹Я.Шварц - лютеранского вероисповедания, в 1883 г. окончил юридический факультет Новороссийского университета со званием кандидата. (Ист.: А.И.Маркевич. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Историческая записка и академические списки. - Одесса, 1890. /далее: Маркевич/ - С.ЛIV). В 1909 г. председатель уездного земского управления Бердянска. (Ист.: N.Kaefер. Jugenderinnerungen an Abraham Neufeld weiland Realschuldirektor in Berdjansk. Geboren 1862, gestorb. 9. januar 1909. - Odessa, 1909. /Далее: Kaefер - 1909/).

²Фридрих Шаад и Альберт Шаад, который в 1909 г. служил военным врачом в Херсоне. (Ист.: Kaefер - 1909).

³А.Вальтер - родился 24.06/6.07.1861 г. в Таврической губ., в 1882 г. поступил на медицинский факультет Дерпского университета, но затем оставил университет (Ист.: A. Hasselblatt und G. Otto. Album Academicum der Raiserlichen Universität Dorpat. - Dorpat, 1889. /Далее: Album Academicum/ - S.797.). В 1909 г. директор реального училища в Самарской губернии. (Ист.: Kaefер - 1909).

⁴Петер Винс - родился 4/16.07.1860 г. в Таврической губ., в 1881-1882 гг. в Харьковском университете, в 1882-1886 гг. на математическом отделении физико-математического факультета Дерпского университета, по окончании которого преподавал в г. Орлов. (Ист.: Album Academicum. - S.810).

⁵Элиас Хюберт - в 1909 г. врач на Кавказе. (Ист.: Kaefер - 1909).

⁶Филипп Головкин - сын почетного гражданина, православный, в 1887 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского университета. (Ист.: Маркевич. - С.LXIV).

⁷Профессор Новороссийского университета, минеролог и геолог Ромул Александрович Прендель (1856-1904) был женат на Елизавете Васильевне Прендель, урожденной графине Стенбок-Фермор (1860-1935).

⁸Леонард Леопольдович Гиришман (1839-1921).

⁹А.Фот - родился 26.10/7.11.1857 г. в Таврической губ., учился в Харьковском университете и в 1883-1884 гг. на медицинском факультете Дерпского университета. (Ист.: Album Academicum. - S.825.).

¹⁰Абрахам Нойфельд или Абраам Нейфельд в русской передаче (1862-1909) - в 1888 г. окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета со званием кандидата и серебряной медалью. (Ист.: Маркевич. - С.LXVII).

¹¹Георгий Иванович Челпанов (1862-1936) - из мещан, православный, в 1887 г. окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета со званием кандидата и золотой медалью. (Ист.: Маркевич. - С.LXIV).

¹²Карл Хертер - родился 3/15.11.1856 г. в Бессарабии, в 1877-1880 гг. обучался на историко-филологическом факультете Дерпского университета. Был учителем немецкого языка в гимназии в Болграде - ныне в Одесской обл. (Ист.: Album Academicum. - S.736.) и соредактором «Odessaer Zeitung», умер в 1892 г. (ист.: Kaefер - 1909).

¹³Генрих Хёгер - родился 23.04/2.08.1857 г. в Херсонской губ., в 1878-1879 гг. обучался на теологическом факультете Дерпского университета. (Ист.: Album Academicum. - S.743.).

¹⁴E.G. von Wahl (1833-1890)

¹⁵Василий Михайлович Репяхов (1852-1905).

¹⁶Эмиль Вольдемар (Эмилий Карлович) Розенберг/Rosenberg (1842-1925).

¹⁷Август Степанович Раубер/Rauber (1841-1917).